

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений
ЩЕПЕТНОВ

Магия
Детектив
Принцесса

ГРИФОН

Евгений Владимирович Щепетнов

Грифон

Серия «Грифон», книга 1

Серия «Новый фантастический
боевик (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6498635

Грифон : фантастический роман / Евгений Щепет-нов: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-66272-2

Аннотация

Что будет, если в нашей реальности случится магический апокалипсис?

Полный кирдык? Вовсе нет. Просто магия станет делом повседневным. С ее помощью даже воров и убийц будут ловить. Ну вот как Вася Кольцов – опытный маг-оперативник, знающий, когда произнести нужное заклинание, а когда применить магическое вещество малию... Правда, когда в Васю по уши влюбилась Василиса – юная дочь местного олигарха, – никакая магия опытному менту не помогла. Но если от любви нет спасения, то можно хотя бы попытаться спастись от загадочного злодея, преследующего счастливых возлюбленных по пятам...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	35
Глава 3	66
Глава 4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Евгений Щепетнов

Грифон

© Щепетнов Е., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Более тридцати лет прошло после того, как в верховьях речушки Башкауc упал метеорит, названный – всемирная слава речке! – Башкауcским. Его удар был такой силы, что в волнах цунами, трижды обошедших весь мир, погибли миллионы людей.

К метеориту тут же были отправлены экспедиции – вначале российские, а когда они, разочарованные результатами, вернулись домой, к месту падения были допущены и иностранцы.

У гигантского котлована с оплавленными бортами побывали ученые и просто любопытные со всего света: вежливые-любопытные японцы, деловитые американцы, смешливые французы, чопорные немцы и шустрые, нарочито приветливые китайцы – все, кто имел возможность и деньги. За год их было столько, что оставшиеся в живых после катастрофы местные жители хорошенько приподняли свое благосостояние, снабжая «буржуинов» молоком, огурцами и пирогами по бешеным ценам, по принципу «от богачеев не убудет, а нам жить надо!».

Бурный ажиотаж по поиску метеорита закончился быстро, так как никаких обломков инопланетного корабля или булыжников-метеоритов найдено не было. Озеро наполнялось талыми водами и дождями, и на месте взрыва неизвестного

«чего-то» через несколько лет сверкало под Солнцем красивое озеро, темно-синий овал двадцать на десять километров.

Затянулись раны на Земле, притихли вулканы, проснувшиеся в Саянских хребтах после удара болида, родились новые люди взамен погибших, экономики стран залечили свои раны. Катастрофа стала давним событием, гораздо менее интересным, чем прибытие главного гея-педофила Англии для встречи с депутатом России, внесшим законопроект об ужесточении наказания над геями-педофилами.

И вдруг – начали происходить странные события. Вначале все было воспринято как попытки местных жителей, оставшихся без приработков, вернуть «буржуинов» на прокорм к «своему» озеру. Потом – как бред подвыпивших селян и выживших из ума бабушек.

Журналисты то громили, то игнорировали рассказы своих собратьев, «высасывающих сенсации из пальца», по типу: «Вчера под мостом у села Нечаевки поймали русалку. Она жалобно кричала и требовала выпить. Рыбак Федор Синицын бросил ее обратно в реку. На вопрос друга: «Ну почему?» – Федор ответил, что много их развелось, покушающихся на его бутылку».

Сообщения становились все более фантастичными при своей массовости, серьезное отношение к ним стало дурным тоном, и только тогда, когда люди Земли окончательно мутировали, правительства многих стран забили тревогу. Но было уже поздно.

Под громкий издевательский смех ученых и здравомыслящих людей процесс начался незаметно, но продолжился взрывообразно – и все, что мог представить человеческий мозг, все страшные и прекрасные фантазии – все было воплощено. Рождались русалки, рождались оборотни и лешие, появлялись невообразимые мутанты, обладающие феноменальными способностями, – иногда смешными, иногда страшными.

Даже те, кто внешне, физически, не изменился, вдруг стали обретать умения и способности, о которых можно было прочесть только в сказках и фантастических книгах. Люди научились магичить. В мир вошла Магия.

Все изменилось. Теперь мир вращался вокруг Магии и ее производных. Появились ученые-маги, изобретатели, разрабатывающие все новые и новые способы внедрения Магии в жизнь. Правительства всех стран наперебой приглашали к себе на работу выдающихся ученых, способных выдумывать магические приборы и приспособления, а полиция всех стран боролась с преступниками-магами, пытающимися за счет своих новых способностей поживиться.

Но не все смогли стать магами, далеко не все. Магами стали около десяти процентов от всего количества людей, а сильными магами и того меньше – один на сорок-пятьдесят магов. Тридцать процентов людей обрели гены мутантов – сюда ученые отнесли полузверей-полулюдей, оборотней, йети и русалов. Остальные люди обреченно ждали, когда у них

или у их детей проснутся какие-либо способности. Никто не мог сказать – когда мутация выскочит наружу и что именно сотворит с человеком, ахнут ли все от ужаса или расплачутся от счастья.

Лотерея, Магическая Лотерея – назвал ее один из академиков с простой казацкой фамилией Перельман.

Глава 1

Тяжко идти на работу в понедельник. Особенно если вчера хорошо посидел в пивбаре с одноклассниками – Тимохой и Серегой. Встретил случайно на улице, когда шел из магазина «Спорт» – надо было купить нормальные кроссовки и костюм для спортзала. Стремно как-то появляться в своих заношенных штанцах – туда, в зал, ходят и девчонки следственного отдела УВД, и там есть такие девицы – закачаешься! Одна Вика чего стоит – ну такая классная, – глаз не отвести. Жалко только, что замужем. Хотя... на процесс это не влияет, скорее наоборот – ворованный кусок слаще, это всем известно. Особенно тем, кого я ловлю. Полгода уже на этой работе, а никак не привыкну – я полицейский! И не просто полицейский, а опер маго-розыскного отдела.

Нас в отделе пятеро – я самый младший, мне всего двадцать два года, остальные уже старички – самому младшему, Володе, двадцать семь, Семенычу, начальнику отдела, – тридцать пять, Петька чуть старше меня – двадцать три, Коле – тридцать. Петька и я, Василий Кольцов, менты нового призыва, можно сказать – от сохи, а остальные – старые зубры, служившие еще до того, как Магия пустила в них корни и вылезла наружу. Мы же с Петькой получили способности магов еще в колледже и, закончив обучение – он на про-

граммиста, я на мастера по ремонту автомобилей, – решили, а на кой хрен нам то, на что мы учились? Особенно если мамин знакомый, дядя Петя, – бывший полицейский, вышедший на пенсию полковником (у Петьки вариант – тетя Вероника, работавшая в ГАИ на регистрации автомобилей). В общем, просунули нас правдами и неправдами в УВД Октябрьского района, в отдел, наиболее отвечающий нашим способностям. Его и создали-то не так давно, всего года два назад – назрел такой момент, решили, что с преступниками – магами и мутантами различных видов – должны бороться те, кто близкородственны им по способностям – маги и мутанты-полицейские. Удивительно не то, что создали этот отдел, удивительно то, что создали его не сразу после того, как Магия прочнейшим образом вошла в нашу жизнь, а спустя несколько десятков лет, когда подобные отделы давным-давно существовали во всех полициях мира. Долго раскачивались, долго... Как боролись с подобными преступниками до этого? Да как и раньше – ловили. Как могли. Среди полицейских тоже были маги, просто до тех пор не считалось необходимым выделить их в отдельную группу. Потом решили – надо!

– Эй, Кольцов! – заорал помощник дежурного Васечкин, нагловатый рыжий сержант, показывая свое лунообразное лицо в окошко дежурной части. – Тут тебя женщина дожидается! И материал возьми – начальник тебе отписал!

Черт! Вот не успеешь войти в отдел, и тут же тебе на голову материал и какую-то бабульку! Хммм... не так уж и ба-

булька, при ближайшем рассмотрении – лет сорок с небольшим. Впрочем, я никогда не умел определять возраст женщин – может, она младше, а может, старше – тем более что сейчас, при нынешнем уровне развития магии, достаточно побрызгать себя спреем «Магия тела», сказать пару слов – и ты уже красавчик или красавица. Пока не попадется кто-то из магов и не скажет: «Орнития гурода!» Хрен знает, что это значит, – но снимает наведенный образ просто на раз.

Я тихо шепнул заклинание, чтобы увидеть настоящий облик женщины, – ничего не произошло. Или наведенного образа не было, или же она была магом выше меня по уровню. Тогда следовало применять заряженные более сильным магом антимагические спреи, чтобы убрать наведенный образ. То-то и тяжело теперь было работать полиции – фотороботы и всякое такое прочее ушли в прошлое – каждый теперь мог принять любой облик, какой хотел. Вечными остались лишь отпечатки пальцев, состав крови, все те признаки субъекта, по которым криминалисты удостоверяли личность человека. Впрочем, разве в домагическое время было не так? Были пластические хирурги, за мзду меняющие облик человека так, как ему надо, и нигде это не учитывающие. Просто сейчас это поставлено на поток – магией, вот и все.

– Здравствуйте, вы господин Кольцов? – спросила женщина, посмотрев на меня карими глазами, покрасневшими и слегка воспаленными, как будто она плакала и сильно их натирала. – Меня направили к вам. У вас мое заявление. –

Она показала на пачку бумаги, которую я получил в дежурной части, расписавшись в журнале.

— Я Кольцов, — со вздохом сознался я, посчитав, что дальнейшее запирательство будет воспринято неверно — как попытка ускользнуть от своих служебных обязанностей. — Пойдемте наверх, в кабинет.

Я помахал рукой пэпээснику, стоящему на проходе возле стола и тоскливо рассматривающему галок за пыльным окном, прошел по коридорчику, пахнушему туалетом и краской — недавно покрасили «обезьянник», — и поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж, к кабинету, в котором последние полгода проходила моя сознательная жизнь в светлое время суток. Впрочем, иногда и в темное, когда подходила моя очередь дежурить в отделе.

В эти дежурства я всегда мечтал, чтобы на окне каким-то чудом оказались занавески, а рядом со мной сидела... стояла... или лежала Вика из отдела дознания. Вот уж кому не надо никаких магических средств для украшения — сиськи торчат вперед, разрывая форменную рубашку, серая юбка обтянула упругие бедра, губки такие, что так и хочется впиться в эти красные сооружения на миленьком лице... ммммм... и это чудо досталось корявому майору из областного УВД! Ну что за гадство... она даже мне несколько раз снилась. И так эротично... вроде как манит меня, расстегивает пуговицы... и тут в самый интересный момент вечно открывается дверь и входит подполковник Лопаточкин с кри-

ком: «Кольцов, а ты отписался по материалу 123 дробь сорок восемь? Нет? А какого черта тогда ты дознавателя за сиськи дергаешь?! Быстро работать!» И на этом мои эротические фантазии обрывались, я просыпался в холодном поту, и последнее яркое воспоминание, что оставалось перед внутренним взором, – яростно горячие глаза замнача Лопаточкина, здорового двухметрового типа, вечно сидящего на службе, как будто у него нет личной жизни. Впрочем, вероятно, так и было. Я слышал, что его сын угодил в тюрьму за грабеж – упустил полкан семью, борясь за правосудие и общественный порядок.

В кабинете сидел Петька, вяло попивавший чай из треснутого бокальчика, и Семеныч, начальник отдела, он же – «капитан Федоренко, Валентин Семенович, и как можно чаще»! Больше никого пока что не было, из чего я сделал вывод (сыщик!), что они или отправились в ад, или же отправились на «землю», по срочному вызову о преступлении.

– О! Наш Шерлок явился! – радостно отреагировал на появление моей скорбной фигуры Петька и закашлялся украденной у меня из стола шоколадной конфетой. – Ты чего всякую дрянь жрешь? У тебя на конфете не шоколад, а замазка какая-то!

Я молча подошел к Петьке, затем, несмотря на его довольно быструю реакцию, успел вырвать конфету из загребующих рук и бросил ее в мусорную корзину. Потом оглянулся на следующую за мной посетительницу и пригласил:

– Присаживайтесь за стол, вот сюда. Сейчас я с вами побеседую.

Женщина подозрительно оглядела обшарпанный кабинет, лишенный и признаков занавесок, скрипучие стулья разной конструкции, сташенные из разных кабинетов по мере истирания их задами более нужных для УВД товарищей, столы, не первой свежести. На моем столе сбоку имелось длинное пятно – я стесывал ножом нацарапанное задержанным гадкое матерное слово, присовокупленное к слову «менты». Один задержанный, пока мы отвлеклись, рассказывая ему перспективы отсидок и ждущие его кары, нацарапал гвоздиком пакостные определения этих самых ментов.

В общем и целом картина ее удручила, и настроение дамы резко ухудшилось – хотя куда было хуже-то, явно она проплакала всю ночь, на это у меня глаз уже наметанный. Я бросил на стол материал, полученный в дежурке, и сел напротив дамы, в очередной раз внимательно изучая ее внешность и лицо – надо же знать, какая пакость меня ожидает в будущем. От заявителей всегда надо ожидать пакости. Главная задача опера, как я уже уяснил за время моей недолгой службы, это не нахождение преступника. Если ты его найдешь – тебя не поощрят, не похвалят – ты же просто делаешь свою работу! Главное – это отбиться от заявлений потерпевших, рассказав им, убедив, что все равно никто ничего не найдет и их только затаскают, а еще – составить правильную бумагу, чтобы прикрыть свой худой (или толстый) зад. Зад у меня

был не худой и не толстый, а в самый раз – девушкам нравился. Но прикрывать его я тоже научился виртуозно – мои бумаги могли служить образцом ментовской письменности этого тысячелетия.

Я мельком просмотрел заявление – в общем-то все понятно – бла, бла, бла – пропала дочь... бла, бла, бла и с ней кольцо-брюлик и какой-то там кулон с магическим наговоренным камнем, привезенным из Таиланда, – вроде как изумруд со свойствами охмурения противоположного пола. Дорогая, видать, штучка – первое, что пришло мне в голову. Эдакий амулетик, и все девчонки твои... (Вика, ох, Вика... мне бы этот амулетик...) И женщина тоже непростая – норковая короткая шубка, дорогие перстни, сапоги тысяч за десять, не меньше – я уже разбираюсь, как-то столкнулся с обувным делом. Седины нет – ухоженная, еще красивая, чуть отодвинуть подальше от глаз – сойдет и за тридцатилетнюю. Вблизи видно – морщинки вокруг глаз, а гладкая кожа – результат ухищрения мастеров косметологии и магов-лекарей. Интересно, дочь на нее похожа? Фото не прилагается. Ей... ага – семнадцать лет. Исчезла три дня назад. Обычная история... тиснула побрякушки, свалила с парнем, сейчас кувыркаются где-нибудь на даче, а потом будет отсиживаться, бояться приехать домой. Первый раз, что ли? Вон их сколько – стопа целая разыскных дел. Сбился с ног, по городу бегаючи.

Вообще, в розыске людей надо соблюдать один принцип: не спешить бегать и искать. Скорее всего, и так оно и бы-

вает очень даже частенько, попавший чел сам привалит домой с повинной головой и помятой мордой. Хорошая бумага вообще-то должна вылежаться как следует, жаль, что этого не понимают мои начальники, требующие в десятидневный срок отписаться по факту.

– Итак, я вас слушаю, – тускло сказал я, вздохнув и покосившись на Петьку, исподтишка показывающего мне средним пальцем известную фигуру.

– Меня зовут Мария Васильевна Гринькова. Я мать пропавшей Василисы Гриньковой и хотела бы поговорить с вами по поводу розыска моей дочери.

– Вы принесли фотографию дочери?

– Да-да, конечно, – заторопилась женщина. – Вот, и не одну, возьмите!

Она щелкнула замком сумочки, кстати, очень даже дорогой, от Финкельштейна, и достала пачку фото дочери, положив их мне на стол.

– Я все ее фото взяла, на всякий случай. Все, что нашла у себя и у нее. Вот она маленькая, а вот в школе – она училась в школе с уклоном в лингвистику – а вот фото недавние, смотрите. Выберите, какие нужны для дела.

Ну конечно, в школе с лингвистическим уклоном, подумал я, какой же еще! Уж не восьмая школа Заводского района, как у меня, само собой. А девка-то красивая... ногастая, сиськи что надо. Любительница одеваться провокационно – вон какие микрошорты и микроюбки... а это что? Упс! При-

кооооольно...

Передо мной на фото стояла совершенно обнаженная Василиса Гринькова, совершенно не стесняющаяся своей наготы, а вроде даже ей гордящаяся. А что – есть чем погордиться, да. С такой-то фигурой...

Мать девицы, видать, заметила, что я пристально рассматриваю это фото дольше остальных, посмотрела на него и слегка покраснела, потом выхватила его из моих рук:

– Это вам не надо. Случайно попало. Зачем она его сделала – я не знаю! Она девочка домашняя, никуда без спросу не ходит, нигде не задерживается, не предупредив нас. Я не хочу, чтобы у вас сложилось мнение, будто она какая-то распутница.

– Честно говоря, мне неинтересно, распутница она, или нет. Меня это интересует только в том плане – кто ее мог похитить, если ее похитили. Например, если она была девственница, то могли похитить, чтобы брать у нее кровь для магических действий. И слезы. И кусочки плоти. И... – Женщина побледнела, обмякла и со стуком упала на пол.

Семеныч всполошился, побежал к аптечке, Петька стал наполнять стакан из чайника остывшей кипяченой водой, а я закусил губу – вот надо же было так – в понедельник, тяжело, а тут еще заявительница со слабыми нервами.

– Кольцов, ты чего творишь?! – строго рявкнул Семеныч. – Баба и так еле на ногах стоит, а ты ей про кусочки плоти! Очертенел, что ли? А если сейчас жалобу накатает,

что ее запугивали? Ты думай другой раз, прежде чем плести всякую хрень!

– А я чего такого сказал! Ну правда же! – попытался оправдаться я. – Могли на запчасти украсть! Я что теперь должен делать?

– Думать ты должен! – сердито бросил капитан Федоренко, капая на ватку нашатырем. – И искать ее дочь! Кстати, она хорошая знакомая начальника. И Дмитрий Семенович просил отнестись к ее заявлению с максимальным вниманием. А ты чего? Про кусочки плоти?

Мне только этого не хватало – мое сердце затрепыхалось, сжалось, как будто его посадили в маленькую ржавую клетку, откуда нет выхода, – еще и знакомая начальника УВД! Ну, все... теперь будут каждый день прессовать, требовать результата. Не прикроешься хорошей бумагой.

Женщина вздрогнула, Семеныч еще раз ткнул в ее нос вонючей ваткой, дама глубоко вздохнула и при помощи моего непосредственного начальника взгромоздилась на стул.

Я выжидательно смотрел на Гринькову, не зная, как она отреагирует на свой обморок – может, меня обвинит. Потом женщина достала из сумочки надушенный платок, потерла им нос и сухо сказала:

– Мне говорили, что вы профессиональный маг-разыскник, специализирующийся на поисках людей. И часто их находите. Вы можете найти мою дочь?

Я начал втирать ей в уши, что да, нахожу, но это зависит от

обстоятельств, от времени, от мощности ауры, излучаемой человеком, от погодных условий, от...

– Остановитесь, – прервала меня заявительница. – Если вы найдете мою дочь – я дам вам двадцать тысяч долларов. Мой муж – состоятельный человек и может себе позволить любые траты ради нашей дочери.

– Кхе-кхе! – закашлялся в углу Петька, жадно прислушивающийся, и Семеныч показал ему кулак – мол, не лезь!

– Вообще-то я зарплату тут получаю. – Я героически отбросил картинку себя, сидящего в ресторане, в новом костюме и вокруг хоровод девушек в эротических нарядах. – Вот если что-то для отдела сделаете – спонсорскую помощь – мебель, магические зеркала, ноутбуки новые – мы бы не отказались. Сами видите, какое убожество. Семеныч из-за спины дамы показал мне большой палец – молодец!

– Как скажете, – пожала плечами дама. – Найдете – будет вам спонсорская помощь. Так я могу рассчитывать?

– Можете. Я прямо сейчас и начну. Петя, закрой дверь, коллега. И лучше с другой стороны, хорошо? Валентин Семенович, мне нужна магия и тишина, по крайней мере минут десять. Вообще – я сколько раз вам говорил уже, просил – мне нужна отдельная комната для работы с магией! Это же не так просто, и опасно, между прочим! Можно потерять разум!

– Тебе нечего терять, – мстительно буркнул Петька, выходя из комнаты.

Семеныч достал из сейфа драгоценную жидкость, получаемую из спецхрана областного УВД, отлил немного в блюдечко – граммов сто, не больше, сказав, чтобы я экономил – малии осталось на три раза, а привезти должны только в пятницу.

– И чем я должен работать тогда? Как можно работать, когда вы не обеспечиваете спецсредствами?

– Ножками надо работать и головой! – парировал капитан Федоренко. – Как раньше работали наши отцы и деды. Избаловались вы – пропади магия, куда пойдете? Бутылки собирать?

– Машины пойду ремонтировать. Или вон найду их дочку и женюсь на ней. А они мне купят особняк в Каннах. Не напрягайтесь – не буду я жениться на вашей дочери, шутка это! – на всякий случай пояснил я, заметив, как брови дамы двинулись вверх.

– Я поняла, – сухо заметила она. – Так вы приступаете к поискам или нет? Вам это... малии надо? Я вам бочку привезу.

– Было бы неплохо, – быстро застолбил я делянку золотодобытчика, – вот как без малии магу-оперативнику заниматься поиском пропавших людей? Когда экономишь на каждой капле! А вы видите стопу бумаг? Ведь до потолка! – Ладно, приступим. Всем полное молчание. Начнем с малого. Дайте мне последнее фото вашей дочери... да нет, не надо эту эротику, достаточно просто одной из самых свежих

по времени фотографий. Ага, нормально. Теперь думайте о дочери, попытайтесь с ней связаться, поговорить, мысленно. Представьте ее образ... возьмите меня за руку... встаньте... пойдете к карте города... думайте... думайте...

Я встал возле огромной карты, висевшей на стене, и закрыл глаза, сосредоточившись на ощущениях, на подобии матери и дочери – кстати, они были похожи как две капли воды, только мать гораздо старше. Потом я произнес фразу заклęcia, которой пользуются все маги-поисковики. Самое интересное, что если у тебя нет способностей поисковика – ты хоть убейся о стену, но сколько ни произноси это заклęcie – ничего не получится. У меня эти способности были. С детства.

Моя рука как будто бы сама по себе поднялась и потянулась к карте, палец ткнулся в точку где-то ближе к окраине города, и я замер – тут!

– Она тут. В этом месте. Где – пока неясно. И неясно – жива она или нет. Но она в городе.

– А как узнать, жива она или нет? – Женщина с волнением закусил губу.

– На то и магия. Присаживайтесь и молчите. Не мешайте. Мне нужно сосредоточиться... Валентин Семенович, постерегите у двери, ладно? А то взлетит какой-нибудь идиот и все дело испортит.

Семеныч согласно кивнул головой и встал к двери, подперев ее спиной. Работа с магией – непростая штука, и мож-

но лишиться не только разума, но и жизни – меня предупреждали на курсах началов поисковой магии. Так-то я работал с магической жидкостью уже раз десять, но... каждый раз, как я начинал вглядываться в черную маслянистую поверхность этой смеси крови мага, настойки боярышника, мочи младенца мужского пола до одного месяца и еще пяти ингредиентов, два из которых были не для общего сведения, я испытывал трепет и у меня начиналось учащенное сердцебиение.

Слова заклинания падали тяжело, как свинцовые пули, в воздухе будто бы стало накапливаться статическое электричество, и у меня начали вставать дыбом волосы, несмотря на короткую «полицейскую» прическу. Женщина напряглась, глядя на меня широко раскрытыми глазами, а я продолжал нараспев декламировать «стих».

Малия начала закипать, покрывшись пузырьками, затем ее поверхность разгладилась и стала светлеть, образуя что-то вроде экрана телевизора. Я увидел, как девушка с фотографии подняла голову и посмотрела на кого-то, сидящего за столом. Этот кто-то говорил о том, что скоро он отпустит ее, пусть не боится и не переживает.

Девушка лежала на широкой кровати, привязанная к ней наручниками, по одному на каждую конечность. Василиса была обнажена – совсем, и я увидел на ее теле знакомые признаки того, что у нее брали кровь: сгибы рук у локтей ее были перевязаны, обычно отсюда и брали кровь – или шпри-

цами, или вульгарно надрезали сосуды. Скорее всего – сбылось самое худшее – девушку похитили для того, чтобы скачать у нее возможно больше крови, а потом... потом неизвестно. Видимо, Василиса, как ни странно, была девственницей в ее семнадцать лет, а значит, лакомый кусочек для различных частнопрактикующих подпольных магов и колдунов. Кровь девственницы, да еще и родившейся под знаком Скорпиона, обладала большой магической силой и входила в состав множества зелий, одним из которых был магический наркотик под названием «Веселье духов». Тот, кто его употреблял, на сутки становился счастливым, как будто выиграл триста миллионов долларов в лотерею, приобретал неистощимую сексуальную силу, неутомимость, привлекательность для противоположного пола. Вот только после суток, если снова не принять эту пакость, человек впадал в такую дикую депрессию и агрессию, что готов был бить, резать, крушить все вокруг. Лишь бы получить новую порцию «Веселья духов».

Привыкание происходило после первого приема. Не зря за каждую каплю донорской крови теперь в больницах отчитывались как за наркоту, а вопросы на тему – девственница ли та, что сдает кровь, были запрещены на уровне закона. За такой вопрос можно спокойно попасть в каталажку, где будут выяснять – с какой целью спрашивающий задал этот нехороший вопрос, и не имеет ли он отношения к вбросу на улицы города большой партии «Веселья духов»? Уже давно

ОБНОН пытается отловить этого мага, занимающегося изготовлением этой наркоты. Неужели мне повезло?

Я стал внимательно осматривать помещение. Ничего особенного – окон нет, кровать, стены в обоях, девица... изображение дрогнуло, и я чуть не потерял картинку – девчонка была хороша, и ее прелести отвлекали меня от магии, разрушая концентрацию внимания. Я справился с волнением и продолжил рассматривать помещения.

Где-то за гранью сознания услышал голос матери Василисы:

– Ну что, что вы видите? Она жива?

– Тихо! – резко остановил ее Семеныч. – Нельзя мешать магу, работающему с малией!

Взгляд бежит дальше, дальше... стол, заставленный колбами, наполненными жидкостями различного цвета. Стоят непонятные бутылки, магический хрустальный шар для связи на дальнейшее расстояние, книги, человек, наклонивший голову и что-то записывающий в большой книге. Рядом с ним упаковка здоровенных шприцев. Замер, ожидая, когда он поднимет голову и я увижу его лицо... вдруг мужчина вздрогнул и, не поднимая головы, сказал:

– Подсматриваешь, тварь! Изыди! – Он выкрикнул несколько слов, и картинка погасла, а малия взорвалась, выбросив облако черных брызг, залепивших мне глаза, рот – я чуть не задохнулся, автоматически вдохнув взвесь из противной жидкости, совершенно не похожей по вкусу на то

пиво, что я так хорошо попил вчера вечером. Удар по моему сознанию был настолько сильным, что голова взорвалась болью, невероятной, пронизывающей и ослепляющей. Меня вырвало. Хорошо, что не на стол и не на документы, а всего лишь в ведро с мусором, которое я благоразумно подставил поближе, как будто предполагал такое развитие событий. Впрочем, а почему не предполагал? Как раз предполагал. Работа с магией не терпит торопливости, а результат не всегда однозначный. Такое уже разок случалось, когда я вошел в соприкосновение с одним магом в бегах. Он меня так шваркнул назад, в комнату, что потом тошнило полдня.

Закончив свое извержение, я отплевался, потом взял кувшин с водой и промыл себе глаза. Достал салфетки (сам купил, на свои деньги!) и стал оттираться, с грустью думая о том, что моей курточке, совсем еще новой – всего год как ношу, – пришел конец. В форме, что ли, начать ходить на работу? Ну какого черта я поганю на службе свою одежду? М-да...

– Она жива? Скажите, она жива? – Женщина судорожно сжала сумочку, ее пальцы побелели, и она была готова снова упасть в обморок.

– Жива, – поспешил успокоить я, опасаясь, что она снова брякнется на пол, – захвачена магом. Она девственница, насколько я понял?

– Да, – кивнула женщина, – девственница. Всегда говорила, что бережет себя для любимого и не разменивается на

мелочи. Она очень умная и практичная девушка, вся в отца.

– Лучше бы она не была девственницей, – пробормотал я под нос. – Всем было бы меньше хлопот.

– Что вы такое говорите?! – возмущенно возопила женщина. – Как вы так можете говорить?

– Он просто имел в виду, что если бы ваша дочь не была девственницей, ее кровь и все остальное никому бы не понадобились. Имеется в виду – магам. Ценность имеет только кровь девственниц, и это самая распространенная причина, по которой воруют молодых девушек. Они должны быть девственницы, и желательно – рыжие, огненные. Эти больше всего ценятся. Ваша дочь брюнетка? Ну, они тоже имеют цену, правда, пониже на порядок в сравнении с рыжими.

– Она рыжая, – бесцветным голосом заметил я, – у нее волосы на голове крашенные.

– Откуда вы знаете? – начала женщина и осеклась. – Вы видели ее? Что, совсем?

– Совсем. Она захвачена магом, делающим наркотики... Семеныч, похоже, это он.

– Кто он? – переспросила женщина.

– Вам это знать не нужно, – быстро заметил Федоренко и заторопился: – Ты место точно определил?

– Плюс-минус тридцать метров. Большого не могу дать, – устало ответил я, продолжая счищать с себя капли малии, покрывшей меня леопардовым узором. – Он чуть не прибил меня. Сильный маг. Высшего уровня. Лица не видел. Госпо-

жа Гринькова, вы свободны. Идите домой, мы с вами свяжемся. У вас в доме нет защиты от магической связи? Есть? Тогда дайте нам для связи или вашу прислугу, или снимите защиту. Мы же как-то должны связаться с вами, чтобы сообщить о результатах поисков?

Семеныч уже звонил в дежурную часть, вызывая автомобиль. Нужно было действовать быстро, пока этот поганец не свалил.

Я открыл сейф своим ключом, сорвав нитку между пластилиновыми кляксами, опечатанными моей личной печатью. Здесь, в сейфе, хранились мои магические принадлежности, а также лежал старый добрый «макаров» с вытертым от времени затвором в новенькой наплечной кобуре. Магия магией, а девять миллиметров кладут и магов, если хорошенько попасть. Впрочем, краткий справочник магических заклинаний ДСП не помещает. Как и баночки со слезой девственницы (опять девственницы! Ну какого черта Магия привязалась к этим девственницам?! Надо, видишь ли, чтобы эта особь женского пола была половозрелой, до двадцати лет, но при этом ни один мужчина с ней не покувыркался! Ну что за хрень?! Впрочем, Магия есть Магия, в ней вообще ничего не ясно и не понятно. Как и в науке. Я никогда не мог понять, как получается электрический ток. И мне кажется – этого никто не знает. Только строят рожи и делают умные лица).

Древний, двадцатилетний, «козлик» на ручном управле-

нии пыхтел возле входа в УВД. За рулем Андрюха, хитроватый парень, около тридцати лет возраста, ленивый, как черт. Вечно, как приезжает на преступление, он тут же укладывается спать, хрен потом добудишься. Сколько раз говорили – не дрыхни, не дрыхни на работе – вдруг с нами что-то случится, ты и помочь не сможешь, а еще хуже – прирежут во сне! Только лыбится и знай себе – дрыхнет. Непробиваем.

– Давай на Луначарского. Знаешь, где склады «Супрапрома»? Нет? Какого хрена ты вообще в полиции работаешь, раз ничего не знаешь? – как всегда завелся Семеныч. Рожа Андрюхи его раздражала до последней степени.

Мы захлопнули дверцы, водила нажал на газ, машина зачуфыкала, как чайник, выбросив клуб пара и понеслась вперед. Чем еще отличался Андрюха – это безумной манерой езды. Он несся по улицам города так, что машина кренилась, скрипела всеми сочленениями и грозилась развалиться, как старый сарай, коим, впрочем, она и была.

– Скоро надо камень в камере нагрева разогреть! – крикнул водила, перекрывая грохот сотрясающихся на ходу деталей. – И вообще – какого рожна вы сами не летаете, вы же маги?

– А ты купишь нам пропитку для одежды? Молчал бы уж... – отрезал Семеныч и только тут обнаружил, что я выгляжу как настоящая помойка – весь в черно-асфальтовых пятнах.

– Вась, ты какого черта молчишь? Да тебя постовые-то за-

гребут в таком виде, стоит на улицу выйти! Ты оскорбляешь своим видом человеческое достоинство!

– Семеныч, а ты что, первый раз видишь? – оскорбленно фыркнул я. – При тебе же я попал под автомобиль правосудия и весь уделался дерьмом! Вы все только себя замечаете, а такая маленькая сошка, как я, – муравей под вашими ногами!

– Сейчас... хватит истерить, не маленький уже. Сказал бы – я бы сделал. – Семеныч достал из кармана пузырек с тонко измельченным порошком, насыпал немного на ладонь, произнес несколько слов и сдунул порошок в мою сторону. Тот выстроился облачком и впитался мне в волосы, стекая вниз, по шее, по одежде. Стало щекотно, как от муравьев, ползающих по телу, я выругался, а Семеныч радостно хохотнул:

– Терпи! Сейчас весь будешь чистеньким, как из бани!

– Почему нельзя сделать такое заклинание, которое чистит только одежду, а не ее владельца впридачу? – раздраженно спросил я. – У меня после твоего заклинания потом волосы дыбом стоят, как будто я увидел Андрюху, скачущего по улице в голом виде! Кстати, в прошлый раз, когда ты меня чистил, это после того как я свалился в мусорный бак, преследуя Шумака, твое облачко сожрало у меня все волосы на теле!

– Ну и хорошо, – философски заметил Семеныч, ковыряя в ухе свернутым в трубочку кусочком газеты – гигиеничнее

так. – Чем ты недоволен?

– Это для женщин хорошо. Аппетитно выглядит. А Машка, когда увидела у меня это дело, спросила – не подцепили ли я чего-нибудь от девок, с которыми общаюсь по подворотням! Насекомых, например!

– А ты общаешься с девками по подворотням? – рассеянно ответил Семеныч, держась за поручень одной рукой и рассматривая то, что он достал из уха на кончике бумажки.

– Тьфу! Как вы меня все достали! Какой сегодня отвратительный день! – в сердцах выругался я.

Облачко закончило свою работу и рассыпалось на полукучкой черной грязи. Андрюха покосился в зеркало заднего вида и недовольно сказал:

– Опять напакостили в машине! Вас хоть не пускай сюда! Завтра встану на ремонт, и бегайте по свои преступлениям сами, ножками. Вон пэпээсники ходят сами, и ничего. А вам обязательно лимузин подавай!

– Лимузин! – фыркнул Семеныч. – Да твой лимузин надо давно на помойку толкнуть, и вместе с тобой притом! Сержант Пяткин, веди машину и не доставай старших по званию! А то получишь у меня за разговорчики! И смотри, куда едешь – пацана на коврике чуть не сбил!

– А не хрена ему летать над проезжей частью! Что, места другого нет?! Вот видите – даже пацаны сами летают, пусть и на ковриках, а вы, маги, не можете сами долететь до Луначарского! Машину вам подавай!

– Мальчики эти – мажоры. Чтобы пропитать этот коврик, надо леталки столько, что она по стоимости сравнима с автомобилем! И, кстати, воняет, как помойка! Ты хоть раз нюхал летательный коврик? Нет? Понюхай, понюхай... больше не захочешь. В составе леталки секрет скунса – воняет так, что блевать охота. Не знаешь, так не говори!

– Так можно убрать запах – есть же специальные заклинания! – упорно возразил водила. – Вы же маги, должны это знать.

Семеныч промолчал и не стал говорить туповатому парню, что заклинание, убирающее такие запахи, чуть не дороже того, что идет на пропитку коврика. Все равно бесполезно метать бисер перед свиньей, недовольной, что ее заставили работать и вырвали из лап Морфея. Вдруг еще до чего-нибудь докопается. А понедельник не такой день, чтобы вести просветительские беседы с кем-то вроде Андрюхи.

– Стой! Куда разогнался, ошалелый! – грозно крикнул Семеныч. – Сдай назад! Спрячь машину за угол и жди. Да не спи, черт тебя задери!

– А я не сплю! – возразил водила и тут же застыл на сиденье, закрыв глаза с блаженной улыбкой идиота.

– И кого набирают в полицию, – сокрушенно сказал Федоренко, спрыгивая с подножки старого джипа. – Да его даже в сторожа брать нельзя! Вася, давай, настраивайся, ищи! Скорее, скорее – я даже группу поддержки не стал брать, чтобы он свалить не успел.

– Сейчас, сейчас... – пробормотал я, закрыл глаза и буркнул. – Направляй меня, а то я башкой столб разобью, как в прошлый раз.

Сосредоточившись, я выбрал направление. Перед моим взором где-то в пространстве вспыхнула нить, красная, довольно толстая – значит, девушка где-то рядом. Если разыскиваемый человек находится далеко, нитка тонкая-тонкая, даже пунктирная, и бывает, что исчезает. А это – толстый канат, чуть не в два пальца толщиной!

Не открывая глаза, я пошел вперед, следуя за нитью. Можно было, конечно, открывать глаза и ориентироваться на местности, чтобы не свалиться в помойку и не врезаться в придорожный столб, но я предпочитал не прерывать процесс – потом снова настраиваться, снова вызывать нить... а вдруг не смогу вызвать? Бывали и такие случаи – вражеский маг поставит защиту, и как не бывало нити. Только защита дорогая, не все умеют ее делать, да и поставить ее можно только на пути своей, личной, нити, но кто знает? Может, уже научились.

Семеныч подталкивал меня по ходу движения, направляя в обход препятствий в виде мусорных бачков и ларька с сигаретами. Потом он дернул меня за пояс штанов:

– Стой. Подожди.

Я открыл глаза и увидел, что стою возле проходной складского комплекса и на меня, вытаращив глаза, смотрят два охранника в черной форме ЧОПа.

– Вы к кому? У вас есть пропуск?

– Полиция! – веско сказал Семеныч и продемонстрировал красное удостоверение.

– И что? – пожал плечами охранник. – Давайте решение суда или постановление прокурора, тогда и пушу! Без этого – валите-ка отсюда, ребята! Я сам из бывших ментов и закон знаю.

Вот уже лет пятьдесят прошло с тех пор, как полиция называли полицией, а прозвище «менты» так и осталось. Русский народ консервативен и никак не желает на пиндосский манер называть нас копами, подумалось мне.

– Вась, ты уверен в том, что видел? – тихо спросил Семеныч, глядя мне в глаза. – Если да – будем прорываться. Если нет – лучше съездить за прокурорским постановлением, иначе проблем будет выше крыши.

– Семеныч, я с пяти лет магичу. Ты чего спрашиваешь меня такие вещи? Даже обидно...

– Ладно. Я понял. – Он достал из кармана пузырек темного стекла, высыпал на ладонь немного пыли (кал летучей мыши, толченая кость черного петуха, табачная пыль, земля, с могилы взятая в полнолуние), потом резко бросил этот порошок в сторону охранников, выкрикнул три слова заклинания. (Завидую Семенычу – память у него абсолютная. Такого запаса заклинаний, как у него, нет ни у одного знакомого мага. Настоящий опер!)

Охранники протестующе взмахнули руками и осели на

пол, вырубленные могучим сном.

– Порядок! Быстро подключайся, а то у нас в запасе всего час, притом – не дай боже их найдут, тогда скандал будет невероятный. Хоть склад этот не используется в последние месяцы, но кто-то же здесь все равно ходит. Скорее, скорее!

Глава 2

– Осторожнее, тут трактор... давай, давай, шевелись, Вася! – Семеныч подталкивал меня, а я, как зомби, все шел и шел за нитью, как в лабиринте Минотавра.

– Стоп! – Я остановился и замер. – Семеныч, она движется, и движется сюда! Машина! Уходит!

Я открыл глаза, глядя вокруг, Семеныч тоже замер, держа наготове щепотку порошка для файерболлов.

– Вот она! – Начальник бросился к проезду между складами, где показалась «Мазда» в предпоследнем кузове, вполне так добротная машинешка. – Сам такую хочу. Они в этом кузове подешевле, а комфорт вполне так приличный.

Семеныч метнул файерболл, тот с шипением и свистом врезался в правое переднее колесо машины, тут же оторвавшееся и покотившееся, виляя и дымя, в сторону полуразобранного трактора доисторических времен.

– Защиту, защиту ставь! – крикнул Федоренко, речитативом выкликая слова заклинания. И вовремя – темная фигура, выскочившая из-за руля автомобиля, взмахнула рукой, и о капитана разбился огненный шар, растекшийся по поверхности магического пузыря тонким сияющим слоем.

Я тоже взмахнул рукой и пустил файерболл, но мой шарик был вялым и каким-то тухлым, как будто выцветшим. Противник с издевательским хохотом отбил его в сторону, а за-

тем со звуком лопнувшей струны поднялся в воздух и полетел в сторону реки.

– Уходит, уходит сука! – отчаянно крикнул Федоренко и, выхватив из-под мышки «макаров», выпустил в сторону преступника полную обойму, до смерти напугав стаю грачей, торжественно возвращавшихся на родину из дальнего путешествия. Весна, мать ее за ногу! Все башмаки уделал в грязи!

Грачи дико заорали и «отстрелялись» прямо на нас с капитаном Федоренко, покрыв наши тела позором и противными слизистыми пятнами. Федоренко залепили прямо в глаз, как будто бы намекая, что надо бы целиться и получше. Я изнемогал со смеху, глядя на красного, разъяренного как бык начальника, прочищающего свое недреманное око и изрыгающего нецензурную брань такой концентрации, что она вполне могла сложиться в формулу заклęcia. Оторвавшись, Федоренко обратил свой гнев на меня:

– Ты какого хрена стоял?! Ты почему не достал свой ржавый карамультук и не начал стрелять по этому подонку? Что ты ржешь, как дебил?

Я успокоился и перешел на внутреннее, скрытое осмеяние ситуации – капитан в гневе был страшен, не хватало еще попасть на внеочередное дежурство или отправиться в помощь к Андрюхе – ремонтировать наш пепелац.

– Это я над собой смеюсь, – дипломатично заметил опер Кольцов. – Второй раз за день в дерьме. А ты молодец, командир, разок, похоже, в него попал. Я видел, как он вздрог-

нул, когда отлетал.

– Точно? – успокоился и пришел в благодушное настроение капитан. – Не ошибаешься?

– Точно, – нахмурившись для убедительности подтвердил опер Кольцов. – Ты снайпер, каких мало! (Ага! Ключнул! Дежурство вроде отменяется! А ведь он точно попал...) Я что предлагаю – давай мы все-таки вызволим девицу, а потом уже поищем капли крови по пути следования этого ДЛО.

– Чего такое ДЛО? – не понял Федоренко.

– Дермальный летающий объект, – ухмыльнулся я.

– Ты не придумывай давай! Все детство в ж...е играет! Пошли, на машину посмотрим. Девка там страдает, а ты тут хрень всякую несешь!

«Мазда» стояла, как мертвая, и лишь когда мы подошли, захлопнула водительскую дверь и подняла стекла, уберегаясь от похитителей. Семеныч хмыкнул:

– Поздно боржом пить, когда печень отвалилась! (По-моему, эту остроту придумал еще шут Ивана Грозного! И вот до сих пор она, как дермо, непотопляема.) Открой двери, недоумок японский!

– Вы не есть хозяин! – грозно заявила машина. – Вы есть преступник, и я вас наказать!

– Какой debil ставил ей это произношение? – сморщился капитан. – Похоже, опять серые дилеры – таскают через границу полуозвученные тачки! Щас я...

Федоренко достал из кармана синий пузырек – я знал, что

в нем он хранил «пыль развоплощения». Надо было убрать одушевление машины, иначе она ни черта не даст нам влезть в ее нутро. Передать управление и владение автомобилем может только его собственник – впрочем, это любой ребенок знает.

Семеныч бросил щепотку порошка на капот машины – предположительно, мозг автомобиля, то есть то, чем он думает, находилось под капотом, в двигателе.

Кстати, распространенное заблуждение, на мой взгляд. Ну с чего люди решили, что они думают головой? (Провокационные высказывания о том, что некоторые думают головкой, оставляю на совести Семеныча!) Читал как-то в Сети – очень давно, еще в двухтысячные годы, был один преступник, который умудрялся совершать преступления, не имея половины мозга! И он нормально жил, питался, двигался, отправлял естественные надобности... черт! Я прямо-таки Андриюху описал! Может, у него вообще мозга нет и думает он задницей?

– Ты чего замер-то? – вырвал меня из философских размышлений голос Семеныча. – Вскрывай багажник, не видишь – в салоне пусто! Все-таки не май месяц, а середина апреля. Холодно, а как ты говоришь – девка голая, как младенец! Быстро давай! Сумеешь с заклинанием отмыкания справиться?

– Я что, курсов не заканчивал? – слегка обиделся я и стал лихорадочно вспоминать слова... ага, есть – данта кируса

мунга! Черт – забыл из пузырьрчка-отмыкателя полить замок. Данта кируса мунга!

Щелк! – багажник открылся, и моим глазам предстала картина маслом – девица в первозданном виде, в позе зародыша, на локтевых суставах повязки, а из волос выстрижен довольно длинный клок, прямо до кожи головы, открывающий плешь сантиметров десяти в диаметре. А девице-то придется носить прическу «после тифа», подумалось мне. Видел я в старых кино, как после большевистской революции люди заболели тифом и их стригли налысо. Долго не мог понять, почему, пока мне не рассказали, что главным бичом, разносчиком тифа была обыкновенная вошь. Вот и лишали несчастных насекомых привычного ареала обитания, вынуждали искать пристанища на менее вкусных существах по типу собак и кошек.

– Опять застыл! Ты что, в Андрюху превращаешься, что ли? – рывкнул за спиной Федоренко. – Ты что, голых девок никогда не видел? Я тебе потом покажу картинку с голой бабой. Сможешь даже взять ее домой и поюзать вечером, перед сном. Картинку, не бабу. Доставай ее оттуда, мать твою за ногу! Холодища, ветер, а он смотрит как баран на новые ворота! Простынет девка ведь, неужели сердца у тебя нет, не жалко!

Сердце у меня было, огромное, любвеобильное, и Вика в нем, похоже, сейчас борется с наступающей на нее новой любовью – Василисой Прекрасной.

Я осторожно подsunул под девушку левую руку, а правой накинул ей на спину мою многострадальную куртку, убеждая от далекого дыхания Снежной Королевы. Без куртки как-то сразу стало прохладнее – хоть она у меня и неказиста, но на ней лежит заклятие сохранения тепла – даже в сорокаградусный мороз можно ходить, и ничего не случится. А вот в одной-единственной рубашке теперь колотун, однако. Дрожь пробирает.

Подсунув руку под попку девушки, я поднял Василису на руки, крикнув, как штангист, – девица, несмотря на свою субтильность, была не так уж и легка! Довольно сытенькая девица, надо сказать. Или я давно не уделял должного внимания своему физическому воспитанию?

Василиса вдруг открыла синие глаза, поморгала ими и обняла меня за плечи:

– Мой принц! – Потом вдруг вцепилась мне в шею обеими руками, притянула к себе и впилась мне в губы долгим поцелуем.

– Что, заклятие подчинения наложено? – усмехнулся Семеныч. – Встречался я с таким делом. Первый, кого увидела, открыв глаза, тот и хозяин. Помню, одна баба преследовала меня, наверное, с год! Пока ее муж не увез в другой город. Так и оттуда она умудрялась бомбардировать меня письмами – откуда-то и адрес домашний узнала! Света просто бесилась, читая ее письма, где та в красочных подробностях рассказывала, что сделает со мной в укромном местечке или

что должен сделать я, когда наконец-то доберусь до ее сладкого тела.

– А что, заклятие подчинения не снимается, что ли? – ошеломленно спросил я, оторвав от себя губы Василисы и тяжело дыша. – И чего ты, нарочно сказал мне, чтобы я ее поднимал? Знал, что заклятие наложено?

– А чего тебе – ты неженатый, ну попреследует слегка, и чего? Тебе в удовольствие, ей в радость. А меня Светка со свету сживет. После той истории она подозрительно косится на всех баб, что рядом со мной проходят. Говорит, это нарочно я на бабищу наложил заклинание подчинения. Мол, мне всегда нравились рубенсовские формы, то есть здоровенные сумоистки. И ничего ведь не докажешь! – скривился капитан. – Ладно, сажай ее пока в салон, на заднее сиденье. Пусть там сидит, пока не очухается. Одежду надо ей добыть, тогда и вытаскивать. Сейчас я вызову криминалиста, прокурорских, да и мамаше надо позвонить – дочку-то нашли, пускай прилетает и забирает.

Семеныч отвернулся и достал магическое зеркало. Пару слов – и в нем появилось лицо госпожи Гриньковой:

– Что, что – вы нашли ее?! Нашли?!

– Нашли. Живая и здоровая. Нужна одежда – она обнажена. Приезжайте по адресу: Луначарского, тридцать восемь «Б». Здесь находятся склады предприятия «Супрапром» – табличка такая черная на бетонном заборе. Я вас встречу.

– Едем, едем! – Изображение Князьковой исчезло, и мы

остались втроем – очарованная Василиса, Семеныч, и я, полный предчувствий о грядущих неприятностях.

Они не заставили себя ждать. Плакала наша спонсорская помощь. Всегда был такого мнения, что надо обещанное брать вперед. Клиент всегда найдет отмазку, чтобы не платить.

– Околдовали! Это вы, маги, сотворили! Он говорил, что хочет на ней жениться, вот и околдовал ее! – Мадам Князькова была преисполнена праведного гнева и горела желанием сжечь проклятого колдуна (меня) на бодром очищающем огне.

– Мадам, я же вам поясняю – заклятие наложили не мы, и тем более не оперуполномоченный Кольцов. Он и накладывать-то такое заклинание не умеет, для этого нужен маг высшего разряда! Он только лишь ее пробудил, и его первого она увидела. Потому она в него и влюбилась. Это пройдет... лет через пять.

– Какие пять лет?! Вы охренели?! Снимите с нее заклятие, сейчас же! Ей жить надо, у нее жених в Каннах, а она в мента влюблена?! Издеваетесь? Я знаю – это ваши происки! Вы так и норовите все оттяпать кусок от мужнина состояния! Все так и думаете, как урвать, как подкопаться под нас!

– Никто не думает под вас подкапываться, у нас и лопат-то нет, – скучно пошутил Семеныч. – А снять его невозможно. По крайней мере, пока еще никто не нашел «противоядия» этому заклинанию. Я лично не знаю такого контрзаклина-

ния. И вряд ли кто знает. Это заклятие очень сложное и входит в соприкосновение с глубинными слоями мозга реципиента.

– Реци... чего? Вы чего мне мозги втираете, а? – дама исходила ядом и плевалась, что твоя очковая змея. – Мы все равно снимем заклинание, за любые деньги! А вас гнать надо из полиции, раз вы не можете уберечь граждан от преступных элементов!

Дама подхватила дочь за руку и, как хороший паровоз, потащила ее к стоящему неподалеку «Майбаху» траурной расцветки, возле которого стоял отец девушки, выслушивающий объяснения прокурора, два телохранителя – «кожаные затылки», напоминающие бритых «йети», и целая делегация каких-то непонятных сопровождающих, радостно встретивших разъяренную мамашу. Василиса была засунута в салон «Майбаха», предусмотрительно открывшего дверь, стоявшую больше, чем я зарабатываю за полгода. При этом девушка жалобно стенала, протягивала ко мне руки и кричала:

– Я тебя не забуду! Я тебя найду! Я люблю тебя!

– Душераздирающая сцена, – хихикнул Семеныч. – Помню, помню... как вспомню, так вздрогну. Моя-то «любовь» была ста двадцати килограммов весом. Если бы не это – может, Светка бы и не поверила, что я чист, как стеклышко. Пока они там описывают место происхождения, пошли, поищем – может, и правда кровь где-то накапала, тогда бы многое можно было изменить.

Мы прошли вдоль траектории полета мятежного мага и, пройдя по территории базы, уперлись в бетонный забор. Увы, никаких следов ранения беглеца видно не было. Уже собрались повернуть назад, когда я поднял глаза и на высоте двух метров увидел каплю крови!

– Есть! Есть, Семеныч! Глянь – вон она! – возбужденно крикнул я. – Теперь он у нас в руках!

– Ну-ну – не спеши, – охладил он мою горячую голову. – Может, это еще и не с него натекло. Впрочем, скорее всего с него, – утвердительно кивнул капитан. – Гляди-ка, свеженькая! – Он протянул руку со специальной ложечкой из старинного серебра и аккуратно собрал каплю крови в маленький стеклянный пузырек.

– Как считаешь, хватит тебе для изготовления биокомпа-са? – спросил Федоренко, рассматривая содержимое пузырька на свет.

– С лихвой, – уверенно заявил я. – Там достаточно мазка, и все будет работать. А тут – целая капля! Вот он сейчас небось бесится!

Домой я попал только ночью. Пока мы нашли лабораторию этого мага-химика, пока все описали... потом в отдел, куча бумаг.

Кстати, у Семеныча бумаг оказалось гораздо больше, чем у меня, по причине того, что надо было отписаться еще за всех, кто участвовал в операции, а кроме того – списать выпущенную обойму. Предстояло определить – правомер-

но ли он палил по убегающему наркодельцу, или нет. Ужасно. «Контора пишет!» Неужели американские полицейские тоже столько отписываться, пальнув по «плохим ребятам»? Сомневаюсь.

Пока мы сидели в отделе, заглянул эксперт-криминалист Александр Васильевич – ушлый оборотень, вечно поводящий своим волчьим носом в поисках чего-нибудь съедобного. Я тут же спрятал два пирожка с капустой, купленные по дороге в отдел, – есть-то надо когда-то? А этот негодник, если увидит, сожрет, точно – он все съедобное сжирает. Говорят, что у оборотней повышенный обмен веществ и они всегда голодные. Брррр... вечно ходить голодным – кошмар! Хотя... я же тоже вечно хожу голодным. Вот только поем – и через час как будто месяц не ел. Мама говорит, что у меня хороший обмен веществ – в отца. Он сколько ни ест, в любое время дня и ночи, и не толстеет. И еще – что я расту. Ну куда еще расти-то? У меня и так сто восемьдесят семь сантиметров роста! Ножища сорок шестого размера! Худоват только немного... но с годами пройдет.

– Сделали анализы вашей пакости – точно, наркота. «Веселье духов». Радуйтесь! Теперь звездочки на погоны посыплются – как же – нарколабораторию накрыли! – Эксперт снова заводил носом и придвинулся к моему столу. У оборотней вообще очень тонкий нюх, тоньше, чем у собак. Их можно вместо поисковых овчарок использовать.

– Вообще-то это не наша пакость, – агрессивно заметил

я. — И нечего придвигаться к моему столу! Я сам голодный, и вам, господин Бернгольц, ничего не обломится!

— А мне что-нибудь обломится? — В кабинет весело впорхнула моя мечта — Вика. Ее огромные глаза сияли, сразу располагая к откровенности и доверию — есть такое свойство у лесных нимф. Каждый, кто их видит, сразу хочет рассказать им что-нибудь сокровенное. Очень хорошо действует на преступников всех мастей. Вика колет даже безнадежно устойчивых старых сидельцев. Те вдруг решают, что им надо обязательно выговориться перед этой красавицей с сияющими зелеными глазами и зеленоватыми, как будто изумрудными, волосами.

Девушка хитро покосилась на меня — знала, зараза эдакая, как на меня действует ее вид. Конечно, я тут же лишился одного из пирожков. Если бы она потребовала — я и сердце бы достал из груди для нее. При виде Вики я сразу впадаю в ступор и дурею. Впрочем, на мне это незаметно, как сказал незабвенный командир Федоренко.

Наконец, все гости нас покинули, я успокоился и приступил к священнодействию — изготовлению магического био-компаса.

Имея кровь преступника, можно было всегда знать, где он находится в какой-то из моментов времени. Почему в какой-то из моментов? Потому что определенным заклинанием можно было сделать так, что компас покажет, где преступник был полчаса, час, сутки назад. Больше суток я сра-

ботать не могу – уровня магии не хватает. Попозже, может, разовьюсь. Магия тоже имеет свойство развиваться, как и другие способности человека. Впрочем – большинство магов и даже поисковиков и на час назад не могут «отмотать». Так что я еще супер-пупер в этом отношении. И чего это мне никак лейтенанта не дадут... досрочно. Так и буду еще полтора года младшим летехой шкандыбать, даже обидно. Хорошо хоть мы не ходим в форме. Ну – кроме смотров, конечно. Стремно с одной маленькой звездочкой ходить...

– Затихли все! Молчание! – крикнул я в бубнящий и щелкающий по клавишкам кабинет. – У меня мало крови, ошибиться нельзя!

Все замерли, даже Петька, не упускающий ни единого шанса, чтобы меня не подколоть. Впрочем, как и я его. Мы так-то не враги, даже наоборот, но... как в тех частушках: «Мимо тещино дома я без шуток не хожу – то ей хрен в окошко суну, а то ж...у покажу!» Народный эпос, однако. Почти «Калевала».

Капелька крови медленно-медленно переносится наподобие компаса – стрелку, укрепленную посередине круглого циферблата пяти сантиметров в диаметре. Таких компасов у нас уже куча – каждый подписан, – чья капля крови задействована, что за человек и чем провинился. Вот так, в случае чего – ррраз! – и определили, где он есть сейчас. И как его съесть. Вот только одна незадача: маги-поисковики – большая редкость. Очень большая. Мне говорили, что если бы

я стал работать частным детективом – зарабатывал бешеные бабки. Но, честно говоря, мне нравится, что у меня есть удостоверение с красными корочками, потертый до блеска «макаров» и товарищи, способные поддержать всей силой репрессивной системы государства. А частный детектив работает один – сгинул – и «никто не узнает, где могилка моя». Бешеные бабки? Так мне хватает. Родители с меня и не особо спрашивают денег, да и много ли мне одному надо? Сводить девушку в кафе хватит, одеться-обуться – тоже. Да и зарплата у меня вполне приличная – сорок пять штук, и надбавка в тридцать процентов за использование магии, да за звездочку, да выслуга, да премии – так и набегает под семьдесят штук. Ну да, машину на них не купишь – если только не будешь откладывать и совсем не тратить, но жить вполне можно. Нет – ну можно купить дурной пепелац, неодушевленный, гнилой и с почти потухшим камнем нагрева – так на кой хрен он нужен? Только позориться. Лучше такси вызвать. А еще лучше – на троллейбусе трюх-трюх, как при Иване Грозном. Что, не было при Иване троллейбусов? Печально. Опускаем этот вопрос.

Падают слова заклинания, искрится стрелка компаса... в кабинете как будто сгустился воздух и запахло озоном. Кто-то заглянул в дверь и тут же исчез – не любят люди наблюдать, как кто-то магичит. Остался в подсознании страх – древний, тяжелый, сумрачный – перед неведомым, непознаваемым. Вот молодые, вроде меня, легко воспринимают ма-

гию. Как электроток – ткнул вилку в розетку, компьютер и заработал. Зачем думать, как это случилось, какие процессы двигают этот курсор или зажгли эту лампочку. Прими как данность, воткнул вилку – заработала шайтан-машина. Сказал несколько предложений нараспев – закрутилась стрелка биокомпаса и указала на нужного человека. Или собаку. Или лошадь. Или... в общем, на все живое, по жилам которого течет кровь и чья капелька красной тягучей жидкости размещена на кончике стрелки.

– Все, готово! – облегченно выдохнул я, и, как в старом фильме «Сказка о царе Салтане», все вокруг зашевелились, ожили, заговорили, будто их разморозили.

– Завидую Ваське, – с сожалением сказал Коля, поглядывая на мой компас. – Вот раз-раз, и сделал такую штуку, о которой остальным можно только мечтать. Ну, вот попробуй так сделай – и ничего не выйдет. А он чего-то там побубнил – и гляди ж ты – крутится, показывает. Эдак мы злодея и вправду поймаем!

– Не поймаем – если у нас не будет хотя бы одного мага в летательной одежде, – сердито заметил Семеныч. – Сейчас вот составляю рапорт, потом пойду подпишу у начальника УВД – пускай со склада выдадут комплект «летухи». Как нам брать этого козла, если он просто улетает в небо? А мы, как лохи, стоим и палим вслед!

– Не принижай себя, командир! – лениво ответил Коля, глядя на танец бумажных катышков, пляшущих перед ним

в воздухе. – Ты же все-таки в него попал! А Васисуалий соорудил шайтан-машину. Скоро найдем негодника.

– Сколько раз я говорил – не зови меня Васисуалием! Тебе приятно, если я тебя буду звать Коляхой?

– Да мне по фигу! Зови Коляхой, – индифферентно откликнулся старший лейтенант полиции Сидорчук Николай Федорович. – А я тогда тебя буду звать Васяткой. У нас котик такой – Васятка. Я его все тапком с моего дивана гоняю. А то еще подниму его в воздух и давай кружить. Он так прикольно выглядит с вытаращенными глазами! Хочешь покружиться?

Я почувствовал, как некая сила поднимает меня со стула и тянет вверх. Произнести контрзаклинание было делом секунды, и тут же я плюхнулся обратно на свое место, выпалив три нехороших слова, за которые мама надрала бы мне уши лет десять назад. Теперь бы она только скорбно покачала головой и сказала, что закончу я плохо – такие сквернословы вообще плохо кончают. (Это она зря – кончаю я очень хорошо! Но она-то об этом не знает, и сообщать данную информацию не собираюсь.)

– Ладно, парни – на сегодня хватит. Петька сегодня на дежурстве, а остальные валим по домам. Вася, хорошенько убери компас, подпиши его. Завтра будем планировать операцию. Сегодня мы поработали хорошо, всем спасибо. Особенно тебе, Вася. Если бы не ты – мы бы не вышли на этого нарко-мага. Кстати, Вась, ты бы брал ствол с собой. Позд-

но возвращаешься, мало ли что случится. Магия магией, но старый, верный ствол под локтем всегда к месту.

– Да у него отберут ствол-то! – ехидно пискнул Петька. – Он боится его доставать. Хулиганы обидят, отберут пукалку.

– Хватит тебе! – прикрикнул Семеныч, видя, как мое лицо наливается краской ярости. – Брек, разойдитесь! Домой все. Кстати, насчет стволов всех касается. Мы уже многим насолили, до меня дошла информация, что могут иметь место нападения на магов-оперов. Будьте очень осторожны. Особенно Василий – ты у нас уникален, так что береги себя.

– Вечно Василий на слуху! – пробурчал Петька. – А Петра как будто и нет на белом свете.

– Когда ты научишься, как он, находить людей – ты тоже будешь на слуху. А пока он в отделе один такой. И в УВД. И без него мы потеряем очень много. А вот без хилых телекинеторов и эмпатов мы как-нибудь обойдемся, хотя нам и будет очень, очень трудно. Тебе ясно, Петя? – вкрадчиво спросил Семеныч.

– Чего уж там... ясно, – погрустнел Петька. – Не так мутировал. Судьба такая! В Ваську влюбляются дочери олигархов, Васька раскрывает нарколаборатории... а я так, мимо проходил.

– Петь, ну хватит ныть! – рассердился Коля. – Ну что ты, в самом деле – уже до смешного доходит! Ну я же не ною, что у Семеныча фэйрболл больше моего в два раза! И что он с предметами работает лучше, чем я! А он не плачет, что я

лучше всех в телекинезе! Глупо завидовать. Ну да, у Васьки способности уникальные, но я не вижу, чтобы он из-за этого задавался. И хватит тут болтаться, пошли по домам, парни. Всем пока, все до завтра.

– Все в девять на месте! Кроме Петра – он может после дежурства идти спать. Впрочем – он и тут выдохнется, чего ему отдыхать-то, а, Петь? Поработай с документами – у тебя просроченных три материала, ждешь выговора? – Семеныч недовольно помотал головой и вышел из комнаты. За ним потянулись и все мы, зевая и поглядывая на страдальческую физиономию Петьки. Всегда приятно осознавать, что ты вот сейчас придешь домой, выпьешь банку пива, расслабишься с тарелкой горячего маминого борща, а кто-то будет всю ночь слушать пьяный бред задержанных, нюхать блевотину и острый железистый запах крови, идущий от разбитой физиономии дебошира, расколовшего витрину магазина.

Время было уже половина одиннадцатого, на улице темно и гулко. Весенний вечер, апрель, прохладно и свежо. По улице, шурша шинами проносились автомобили, оставляя облачка пара из системы пароотвода, проносились коврики-летуны с одиночными и парными мажорами.

Я с завистью проводил взглядом одну парочку – девушка довольно хохотала, а волосы ее развевались под светом фонарей. Парень обнимал девицу за плечи, и выглядели они совсем не так гадко, как должны были – ведь по определению я должен был ненавидеть мажоров, как обычный парень

с рабочей окраины. Но ненависти не было. Может, они не совсем уж такие гадкие? А может, я просто подобрел, размягченный видом красивой девушки?

Я вздохнул и немного помечтал на предмет любви Василисы. Почему и нет? Помечтать же можно... вот только в реальности шансов у меня никаких не было. Кто я такой? Нищий мент, сын автослесаря и учительницы. А эти люди – хозяева жизни. Все, что я могу представить в виде козыря, – мои магические способности. И то – специфические. Ну что толку, скажите на милость, в способностях находить людей? Где мне с такими способностями работать? Уж точно не главой нефтяной корпорации.

Маршруток не было, автобусов не было. Что делать? Идти к таксомоторам, конечно. Что я и сделал. У перекрестка, на пятаке, стояли пять штук разнообразных авто средней степени потертости. Я было направился к одной из них и только протянул руку, чтобы открыть дверь, как другая, напротив, бикнула мне и моргнула фарами – сюда, мол! Пошел туда.

– Мне на Чайковского, дом два, длинная такая пятиэтажка. Сколько будет стоить?

Машина молчала секунд пять, потом скрипучим голосом выдала:

– По тарифу. Дорогу покажешь?

– Покажу, – вздохнул я обреченно и уселся на заднее сиденье автомобиля, думая о том, что пора бы пресечь работу серых дилеров, стаскивающих со всего мира уцененные авто-

моби́ли. К нам попадают или выжившие из ума старые колымаги, или же машины, норовящие все время ехать по левой стороне – по понятным причинам. Того и гляди убьют тебя о встречный лесовоз. Спасает только то, что машине самой неохота помирать и она довольно ловко уворачивается от такой же одушевленки. Если бы не это... впрочем, вдруг попадется навстречу какой-нибудь любитель ретроавтомобилей с ручным управлением, и пиши пропало. Одушевленки знают, как должна вести себя другая одушевленка, а на действия человека у них нет противодействия. Мы слишком непредсказуемы.

Ехать пришлось минут сорок, через весь город. Несмотря на то что дороги были уже свободны – все нормальные граждане давно попили чаю, посмотрели мыло по ящику, трахнулись перед сном и спят сном праведника, – все равно находилось достаточно идиотов, чтобы выехать в ночной город и рассекать по пустынным улицам.

Впрочем, основной контингент составляли «Скорые помощи», ментовозки да машины с проститутками – стандартный набор ночного города.

Не доезжая километра два до моего дома, мое такси неожиданно заглохло и отрулило к обочине, замерев, как камень Стоунхенджа. «Да, этот денек не желал кончаться как следует!» – подумал я обреченно, спросил:

– В чем дело? Что случилось?

– Необходима перезарядка камня нагрева. Прошу ожи-

дать в салоне, камень будет доставлен завтра, между девятью или десятью утра.

– Ты чего, debilka, что ли? – возопил я возмущенно. – Я что тебе, буду сидеть всю ночь в салоне? Открой сейчас же, я выйду и дойду сам!

– Можешь оплатить проезд до этого места и отправляться куда хочешь, – довольно сварливо ответила машина, явно беря пример со своего хозяина.

– Ты меня не довезла до места и теперь требуешь оплаты, железяка поганая?!

– За оскорбление плюс десять процентов. Итого... четыреста восемьдесят рублей. Вставь деньги в таксометр, получи квитанцию – и иди куда хочешь!

– Я шас тебе вставлю, погань ты японская! Я тебе сейчас таксометр этот в паропровод вставлю, сука заморская!

– Паропровод слишком мал для помещения туда таксометра, а за порчу имущества вы будете отвечать по всей строгости закона. Ваша фотография уже находится в моей памяти!

– Открой дверь, гадюка, я сейчас выломаю ее, рэкетирика поганая!

– Я сейчас вызову милицию. Вы должны шестьсот двадцать рублей.

– От мертвого осла уши, тварь! Я завтра же поймаю твоего хозяина и доставлю в отдел! Вот мое удостоверение! Я сам милиция!

– Так бы сразу и сказал, – недовольно буркнула машина и открыла заднюю дверцу. Когда я вылезал, она пробормотала что-то вроде «волки позорные, оборотни в погонах!», но я не стал возвращаться и высказывать ей свое недовольство.

Когда проходил мимо трубы выхлопа паропровода, машина фыркнула и обдала мне штанину брызгами грязной воды. Я изловчился и плюнул ей прямо на заднее стекло, после чего это чудо японского автопрома затянула какую-то гадкую песню про то, как она «варит самогончик и никто ей не поставит заслончик, и пусть шмонают мусора... бла, бла, бла...».

Под эту жизнеутверждающую «песню» я зашагал по дороге, надеясь дойти за полчаса. В общем, дома я был к полуночи. Усталый, злой и в довершение всего перед подъездом наступил в кошачье дерьмо. Отмывать его в ванной было настолько гадко, что я чуть не сжег фэйерболлом весь ботинок со всем его содержимым. Остановила лишь мысль о том, что завтра идти на работу будет не в чем.

Быстренько хлебнув щец, наскоро разогретых заклятием прогревания, я с наслаждением вытянулся на постели, раскинув гудящие от беготни ноги. Принимать душ не было никакого желания, тем более что Семеныч сегодня снял с меня всю грязь заклиниванием очищения. Всю не всю, но отмазка, для того чтобы не мыться, у меня была.

– Вась, а Вась! – Мне приснилось, будто Вика дергает меня за ногу и призывно манит в другую комнату, где уже сто-

ит ложе, накрытое черными шелковыми простынями. Ее бело-зеленое тело будет классно смотреться на черных простынях, подумал я... и проснулся. Само собой, Вики никакой не было, а была мама, которая теребила меня за ногу и бубнила:

– Пора на работу! Уже семь часов – пока соберешься, пока доедешь – вот и время прошло. Тебе же к девяти? Поторапливайся! Отец уже ушел, а ты все валяешься. Ты во сколько вчера вообще пришел? Небось с Машкой таскался в ночной клуб, а? От тебя пахнет духами!

– Ничем от меня не пахнет. – Я попытался отбить нападки матери, но закончил, как обычно: – Даже если бы и пахло – имею право! Я взрослый человек, могу хоть с Машкой, хоть с какашкой пойти куда угодно!

– Жениться тебе надо. Помру и внучков не покачаю! – начала она свою заунывную песнь о семейной жизни сына. – А что касается какашки – вот только с ними ты и ходишь. Нет бы приличную какую девушку завести, а ты все этих шалав за собой таскаешь. Машка тебе зачем нужна? Девка развелась уже во второй раз, теперь в свободной охоте – ты какого черта с ней связался?! У нее двое детей, на кой черт она нужна с таким довеском?

Я не стал объяснять матери, что можно встречаться с женщиной и даже регулярно спать с ней не для продолжения рода Кольцовых, и не для того, чтобы порадовать свою мать качанием внучков, а просто чтобы доставить удовольствие своей жаждущей плоти. К чему расстраивать любимую мать?

Это может привести к непоправимым последствиям – например, атаке из слезомета. А я страсть как не терплю женских слез – лучше двадцать раз получить малией в морду, чем один раз попасть под удар женского слезомета.

Так что второй день этой недели начался ничуть не лучше первого. Если в понедельник я страдал от похмелья, то во вторник – от чувства вины, что принес неисчислимые страдания своей матери. По крайней мере, должен был страдать от этого. И чего она к этой Машке привязалась? Ну да, бабе двадцать шесть лет, дети, разведенка – но она же и не претендует на мою свободу! Встретились, позанимались сексом (кстати, она в этом деле мастерица), разбежались и все. Я не претендую на ее личную жизнь, она на мою, никто ничего не требует, не устраивает истерик. Ну да, я знаю, что у нее бывают мужики и кроме меня, и что? Баба выкручивается по жизни, как может – ни у кого не отнимает, не ворует, не убивает. Проституцией занимается? Не замечал. По крайней мере, точно не стоит на перекрестке и не ловит проезжающих мимо клиентов. Надо на жизнь смотреть проще. Я за свою недолгую службу в полиции такого насмотрелся, что вот эти жизненные перипетии, которые приводят в ужас мою мать, настолько мелки и ничтожны в сравнении с тем, что происходит на темной стороне, что даже не знаю с чем сравнить. А! – с ковырянием в носу. Не очень эстетично, но не смертельно.

Все эти мысли медленно текли у меня в голове, пока я бе-

жал к остановке, чтобы снова ехать через весь город. Подошел троллейбус – его по привычке называли троллейбусом – он был такой же квадратный и здоровенный, как прежние рогачи пятидесятилетней давности. На самом деле такой же одушевленный автомобиль, как и все остальные, только размером побольше. Отличался он от маршрутных такси и тем, что никогда не останавливался там, где приспичило пассажиру, – только на остановках, и нигде больше. Но мне на это было плевать, потому что УВД находилось как раз рядом с остановкой – в пятидесяти метрах от нее.

В троллейбусе я впал в полубессознательное состояние, чтобы проще было переносить тяготы монотонного движения в городском потоке. Нормальное состояние пассажира – «самадхи», когда ты предаешься мечтам и самосовершенствованию, а твой сторожевой пункт в голове следит за тем, чтобы его хозяин не проехал нужную остановку.

Особого самосовершенствования я не предпринимал – все больше мечтал, и из головы так и не вылезала Василиса с ее соблазнительным телом и, чего греха таить, тонкой полосой рыжих волос в «зоне бикини». Ее голубые глаза смотрели мне в душу, как два сапфира, и похоже, она потеснила в моем сердце Вику, мое божество, ублажающее каждую ночь своего майора.

Майор вообще-то был чемпионом области по самбо, мастером спорта, и, глядя на его предплечья, я каждый раз видел картину: вот он застает нас с Викторией в своей супруже-

ской постели, она жалобно кричит: «Это не то, что ты подумал!» (Интересно, а что можно еще подумать? Занимались упражнениями в тантрической магии?) – а потом мой позвоночник жалобно хрустит, когда злобный спортсмен кидает его на свое чугунное колено.

После таких страшных картин мое сексуальное возбуждение сразу уменьшалось процентов на пятьдесят. И вот эти пятьдесят процентов тут же перекинулись на образ Василисы...

Женский голос троллейбуса, объявляя мою остановку, напомнил оба сексуальных образа, мелькающие у меня в голове. Я выпрыгнул на мокрый тротуар, пахнувший влажной землей и кошатиной, и пошел к дверям УВД.

Показывать удостоверение не понадобилось – постовой, Гришка Костылин, знал меня как облупленного, и вяло сжав мне худыми пальцами руку, тихо шепнул, заговорщицки наклонившись к моему уху:

– Тебя с утра разыскивает начальник УВД. Рвет и мечет. Злой как собака. Будь осторожен. Свалил бы ты куда-нибудь на «землю»... типа ты в розыске, работаешь. Пусть остынет.

– Спасибо, Гриш, – неприятно удивился я. – Вроде бы за собой косяков не знаю, чего за такие репрессии, не в курсе?

– Нет. Он уже к Федоренко заходил, и тот к нему три раза бегал по вызову. Чего там творится – я не в курсе.

Выслушав рекомендации опытного товарища, я резко повернул назад, дабы последовать совету тертого и прожженно-

го Гришки, но полоса неудач, начавшаяся вчерашним утром, похоже, на сломанном такси не закончилась. Я с разбегу врезался в живот Лопаточкина, замнач. Он радостно ухватил меня за руку и с восторгом объявил, что вынужден сообщить пренеприятное известие – меня ждет начальник УВД на беседу. Видимо, наконец-то заметил мою вечную расхлябанность и несобранность. Один мой внешний вид чего стоит! Я никогда не пройду строевого смотра и заработаю выговор – это без сомнения.

Следом за Лопаточкиным я потянулся по пахнущему туалетом коридору на второй этаж, чтобы преодолеть порог комнаты, украшенной высоченными дубовыми дверями, – приемной начальника УВД.

Когда я видел эти монументальные двери, достойные фараонов Египта, я всегда думал о том, что каждый начальник, выбравшийся на такой уровень, почему-то выдает склонность к гигантомании, или же ему и вправду кажется, что все остальные людишки по сравнению с ним есть ничтожные черви, копошащиеся у его ног. Ну как на рисунках, изображавших фараонов, – гигантская фигура какого-нибудь Эхнатона и маааленькие фигурки подданных у его ног. Видимо, эти самые громадные двери призваны подчеркнуть ничтожность всякого, сюда входящего.

Секретарша Вера строго посмотрела на меня сверху вниз – и это при ее росте в полтора метра – сказала осуждающе и печально:

– Шеф разыскивает тебя с самого утра и не может найти!

– Мне чего теперь – ночевать в УВД? – огрызнулся я. – Жить тут? В принципе я согласен, если ты будешь греть меня долгими скучными ночами!

– Мне есть кого греть, – пренебрежительно покачала головой Вера. – И мой мужчина гораздо солиднее некоторых младших лейтенантов!

Она победно посмотрела на меня – понял ли я, как она нарочито выделила слово «младших»? Я понял. Но виду не подал. Хотя настроение и упало.

Двойные двери кабинета начальника приоткрылись, и из них выглянул Лопаточкин:

– Кольцов, заходи!

Вхожу:

– Здравия желаю, товарищ полковник! Младший лейтенант Кольцов!

Начальник внимательно смотрит на меня тяжелым взглядом карих глаз и присесть не предлагает. Плохой знак.

– Ты что творишь, младший лейтенант Кольцов? – Голос начальника тяжек и укоризнен, будто я только что изнасиловал секретаршу Верочку прямо на КУПе, святая святых отдела.

– Не знаю, товарищ полковник!

– Зато я знаю! – Слова начальника падали как тяжелые гранитные камни. – Вместо того чтобы бороться с преступностью, исполнять свои непосредственные обязанности в ка-

честве оперуполномоченного по розыску, ты используешь свои магические способности для того, чтобы околдовывать девиц! Да не просто девиц, а таких, за которых не только погоны отшибут, но и голову! Как так получается, а, Кольцов?

– Это наветы, товарищ полковник. Эта баба просто дура! Я и заклинания такого не знаю, и уровня моего недостаточно, чтобы наложить заклятие подчинения! Она напридумала себе, а теперь бежит с жалобами! Кстати, обещала нам спонсорскую помощь, если мы найдем ее дочь, – наш кабинет отремонтировать, мебель поставить – и обманула. Она лживая и нехорошая женщина!

– Она обещала, если вы просто найдете, а не станете в себя влюблять! – рывкнул полковник. – Ты знаешь, во что это вылилось? Нет? Я тебе скажу. Дочь этого предпринимателя, Василиса, сегодняшней ночью попыталась покончить с собой, перерезав себе сосуды на запястьях!

– И я тут при чем? Я, что ли, ее заставлял? – попытался трепыхнуться младший лейтенант Кольцов и тут же был остановлен начальственным рыком:

– Молчать, когда с тобой твой непосредственный начальник говорит! Распустились! Дисциплину забыли! Обнагтели!

– Я же говорил – надо смотр устроить, – вмешался Лопаточкин. – Уверен, у него сейчас с собой нет ни носового платка, ни свистка, ни расчески! Выходит на службу – без свистка! Что может получиться из этого младшего лейтенан-

та?!

В кабинете воцарилось долгое молчание, прерываемое лишь сиплым дыханием начальника. Потом он поднял глаза от стола и со вздохом сказал:

– Садись, пиши рапорт.

– Что, увольняете? – убитым голосом спросил я и представил глаза моей матери, скорбно смотрящие на беспутного сына, отца, пожимающего плечами и бодро покрикивающего: «Ничего-ничего – освободилось место слесаря, Мишка запил, и его поперли со станции. Пойдешь работать, хватит хреном груши околачивать, настоящим делом займешься! Машины всегда ломаются. Их ремонтировать надо. И заработки приличные, и уважение. А что менты – тьфу одно! Их никто не любит!»

– Пиши рапорт на отпуск за свой счет. На полгода.

– Это с чего вдруг? – не понял я. – А жить на что? Я ведь все-таки работаю тут, деньги зарабатываю! А как же мой отдел, мои розыскные дела? С ними кто будет заниматься?

– Федоренко решит, кому передать. Ты поступаешь в распоряжение семьи Гриньковых. Будешь делать то, что они скажут. Типа – телохранитель дочери. Оружие сдай – понадобится, они тебе свое дадут. Насчет зарплаты не беспокойся – они тебе заплатят за каждый месяц. Стаж у тебя не прерывается, так что не переживай. Девица ведь из-за тебя собиралась свести счеты с жизнью. Из-за того, что не может соединиться с тобой в счастливых объятиях. Твоя задача – сде-

лать так, чтобы она от тебя отстала, забыла, прогнала. И как ты этого добьешься – меня не волнует. Любым способом. Иначе...

– А если я не хочу идти к ним работать? Если я хочу остаться в отделе и не буду писать никаких рапортов? – на всякий случай попробовал я взбрыкнуть, чтобы прощупать ситуацию.

– Тогда тебя уволят с волчьим билетом, и пойдешь ты работать в народное хозяйство. Причина увольнения? Не беспокойся, найдем...

Я и не беспокоился. Знал – точно найдут.

– Число какое поставить?

– Завтрашнее. Завтра с утра явишься к их дому. Адрес у Федоренко. Оставляй рапорт у Веры. Все, вали отсюда, видеть тебя не хочу!

Довольный, что закончилось все не так уж и плохо, и раздосадованный тем, что убедился в очередной раз – правды в мире нет! – я выкатился из кабинета начальника.

Верочка молча приняла рапорт, удивленно подняв нарисованные бровки, и я пошел в нашу берлогу, чтобы общаться с Семенычем и сдавать дела. Будущее было совершенно непонятно, странно и фантастично. Даже для мага.

Глава 3

– Привет, – хмуро отреагировал на мое появление Семеныч, восседающий на своем месте в углу комнаты. – Был уже у начальника, в курсе?

– В курсе, – вздохнул я тяжело и уселся на свой стул, упершись взглядом в крышку стола, ставшего мне за полгода родным и близким.

– Ну и что ты думаешь по этому поводу? – Семеныч что-то писал, периодически бросая быстрый взгляд в мою сторону.

– Нет – а что я должен думать, в самом-то деле? Меня поставили перед фактом – вали в эту семейку и занимайся охраной ейного тела. Угрожая при этом отправить меня в народное хозяйство. Кстати, а где все ребята?

– На выезде. Убийство на Симонова. Говорят, оборотень нажрался, погонял жену, она не выдержала и померла. А он заперся с дочкой и не отпускает, грозитя порешить себя и ее. Ты вот что – особо-то не переживай. Поработаешь, потом вернешься, с Василисой этой пообщаешься... осторожно. Знаешь, откуда ноги растут? Я тебе скажу. Советник президента по безопасности, курирующий МВД, позвонил шефу и в приказном порядке потребовал, чтобы ты отправился туда, куда тебя отправили. И чтобы ты сделал так, как тебе сказали, – Василиса должна перестать тебя любить, забыть и заняться обычным своим развлечением – прожигани-

ем жизни. Ну это я так – от себя добавил. А теперь не от себя: если она лишится девственности – при твоём горячем участии, то ты отправишься в народное хозяйство, да, но только не в качестве уволенного за профнепригодность, а заключённым колонии ИК-11, что у города Борска. Знаешь такую? Вижу – знаешь. С чем и поздравляю. Если честно – мне самому хреново. У меня забирают самого необходимого в отделе мага, и вернется ли он сюда или нет – большой вопрос.

Семеныч тяжело вздохнул, но почему-то мне не было жалко его ни капли. Только лишь в голове вертелось – ты, сучонок, меня подставил! Догадывался ведь, что Василиса заряжена заклинанием подчинения! А теперь вздыхаешь, да не обо мне, а о том, что теперь тебе будет труднее давать показатели! Меньше раскрытий, а значит, больше нагоняя от начальства.

Дела я передал Семенычу – он сказал, что потом сам отпишет, кому их взять. Затем побрел вниз, в дежурку, сдал «макаров», патроны, сдал вместе с ним личную оружейную карточку. Теперь – все. С прежней работой меня связывает только удостоверение полицейского да форма, сиротливо висящая в платяном шкафу у меня дома.

На руках у меня уже копия приказа (быстро расстарались! Как мне лично надо – так побегаешь за выпиской из приказа, а тут за считанные минуты сварганили!), адрес, куда мне следует прибыть завтра к девяти утра, ну и... все. Все. Жаль, что с ребятами не попрощался, но, может быть, это даже и к луч-

шему. Будут хохмить, потом успокаивать, а ни развеселить, ни успокоить не смогут. Забрал из сейфа свои магические средства – из тех, что я сам добывал, за свои деньги. Учет тех, что выдал отдел, Семеныч ведет очень строго и самостоятельно пересчитал все пузырьки и баночки. Сказал, что если понадобятся – мне их все и так купят, на деньги олигарха. А оголять отдел, лишая их спецсредств, это будет не по-товарищески. Так что остался я почти что гол как сокол – сонное зелье, порошок отмыкания, да зелье файерболлов – вот и все мое оружие.

– Что, тебя уволили? – на выходе из УВД настороженно вытаращил глаза Гришка, поправляя на плече затертый автомат со сложенным прикладом.

– Нет. В отпуск ухожу, – небрежно пояснил я, «кидая краба» своему коллеге и под его недоуменным взглядом бодро выходя на свежий воздух.

Неожиданно мое настроение улучшилось, и я действительно на минуту почувствовал, что ухожу в отпуск. Ни вонючего отдела завтра спозаранок, ни запаха тлена по чужим затхлым квартирам – на полгода вперед я не увижу этого серого здания! – и, покосившись на здание УВД, я двинулся к остановке транспорта.

Матери не было, отец тоже на работе – я с наслаждением бросился на свою кровать и вытянул ноги, раскинувшись, как морская звезда. Жизнь уже не казалась такой уж несправедливой – впереди целый день, можно выдохнуться, по-

смотреть в ящик, выпить банку пива и просто предаться счастливому ничегонеделанию. За последние полгода такой возможности у меня не было ни разу. Всегда кто-то доставал, куда-то я бежал, стремился... как хорошо хоть денек никуда не стремиться!

Неожиданно в воздухе замерцало радужное кольцо, и женский голос с бесцветной интонацией сказал:

– Вас вызывает Мария Колосова, ответьте на вызов...

Секунду подумав, я коснулся кольца пальцем, и на месте радуги возникла мордочка Машки с задранным курносым носом. А еще через минуту я пожалел, что ответил на вызов.

– Привет, Машуль! Что, захотелось комиссарского тела? Хочешь встретиться?

– Что за комиссары? – не поняла необразованная Машка. – Не до тел сейчас. Надо встретиться. Неприятности у меня. Ты где сейчас?

– Дома. Отдыхаю, – обреченно ответил я, понимая, что отдых мой накрылся медным тазом.

– Сейчас я к тебе зайду, – безапелляционно сказала Машка и отключилась, не услышав череду контрзаклинаний: «Нет-нет, я уже собираюсь уходить, и вообще – насчет дома я пошутил. Я вообще-то на работе!»

В дверь позвонили через тридцать секунд – а чего ей, только подняться этажом выше, и она уже на месте. Кстати, и мне удобно – спустился на этаж ниже, и тут тебе уже упругая Машкина плоть, откликающаяся на ласку.

Машка ворвалась в квартиру сразу, как только я открыл дверь, и бросилась мне на шею:

– Помоги! Беда!

– Чего за беда такая? – попытался я успокоить свою старую (не в смысле возраста!) подружку, усадил ее за кухонный стол и налил из пакета стакан апельсинового сока, оторвав его от сердца – пакет был почти пуст и вообще-то я сам собирался хлебнуть этого живительного напитка.

– Подружку украли. Помнишь Светку? Ну, из третьего подъезда? Так вот ее увезли. Втащили в машину и увезли. Прямо посреди белого дня! Я из окна видала. Сумка с продуктами осталась валяться, а ее нет.

– Может, любовник какой-нибудь? Вряд ли какой-то маг похитил – она, ясно дело, не девственница, для магических действий вроде не нужна. Кому она понадобилась?

– Вась, ну чувствую я – нехорошее дело! Светка баба шустрая, но я не знаю, чтобы у нее был какой-то любовник, чтобы желал отомстить или что-то подобное. Пропала девка ни за грош! Сердце-вещун – попала она!

– Что-то я раньше не замечал за тобой способностей к магии, – заметил я недоверчиво. – Провидицей ты никогда не была. Иначе бы знала, что с тобой будет после новогоднего корпоратива и не села бы в машину к этим хачикам. Помнишь?

– Еще бы не помнить, – вздрогнула Машка. – Потом неделю враскоряку ходила и лечила веселую болесть...

– То-то ты мне месяц не давала, зараза! Мне-то сказала, что застудила придатки, а сама? – разозлился я.

– Давай не будем вспоминать, а? – заволновалась Машка и заводила жалом, переводя разговор. – Сейчас речь не обо мне, а о Светке! Девку похитили, может, сейчас насилуют, убивают, а ты хрень какую-то завел!

– Так обратиться в ментовку, чего ты ко мне-то приперлась? – дипломатично сказал я. – Как ни позвонишь тебе – голова болит, я сегодня устала, а как случись что – прешься ночь-за полночь к Васе!

– А ты что, не ментовка? – удивилась Машка. – Ты и есть ментовка. Работай, раз мент! Помогай людям, и они тебя отблагодарят! Ну Васечка, ну пожалуйста...

– Я вообще уже не мент, и меня, похоже, с работы поперли, – пожал я плечами и, схватив налитый Машке стакан, выпил оттуда сок до самого дна. А нечего! – налили тебе – значит, пей. Не фиг дразнить!

– Как это поперли? – растерянно спросила Маша. – Совсем, что ли?

– Ну не совсем, пока что я в отпуске. А там не знаю.

– А что будешь делать? К папашке на станцию пойдешь?

– Вообще-то меня пригласили телохранителем к одной дочери олигарха, – скромно сообщил я, и лицо Маши вытянулось и губы ее сложились в недоверчивую усмешку:

– Ты, в телохранители? Да они шире тебя в два раза, эти телохранители! Хотя... по росту ты подходишь. И с мужски-

ми делами у тебя все очень даже в порядке... после тебя аж болит иногда. Ведь все телохранители обязательно ублажают своих дам, которых охраняют.

– Дура ты. Почему ты считаешь, что обязанности телохранителя состоят в ублажении объекта охраны? Где ты этой чуши насмотрелась?

– Кино одно старое видала. Там красавчик такой негритянку-певичку в постель укладывал. Нормальная такая картина, я даже всплакнула.

– Бред твоя картина. И вообще – ты забыла, зачем пришла?

– Да-да – Светка! Так что делать будем?

– Ждать. Три дня, как положено. Через три дня не объявится – надо подать заявление в отдел по розыску. Там заведут дело, и... все.

– Точно. И все! – Машка встала со стула, подошла ко мне, села на колени и, обняв за шею, поцеловала своими упругими сладкими губами. – Ну Вась... чмок... Васенька... чмок... ну помоги... чмок! А то я сейчас плакать буду! Хочешь, чтобы я плакала?

– Не хочу, – голос мой предательски дрогнул, и Машка хитро сощурилась. Она знала мою боязнь женских слез.

– А если не хочешь – давай искать Светку! Вознаграждение гарантирую. Натурой.

– Слабое ваше вознаграждение, – пробормотал я под нос и, вздохнув, ссадил с себя Машку. Встал, потащился в ком-

нату за курткой. Осмотрев полки, взял в карман неактивированный биокомпас (на всякий случай), несколько склянок с магическими ингредиентами и с сожалением подумал о своем старом пистолете, который не так давно я сдал в дежурку. Как бы он сейчас сгодился!

– Пошли, спасательница.

– Куда?

– В Светкину квартиру. Мне нужны фотографии, а также чего-нибудь, что поможет в поисках. Там есть сейчас у нее дома кто-нибудь?

– Маринка, дочка.

– Она пустит тебя в квартиру?

– Ну да, пустит – почему и нет?

– Значит, пошли.

Мы спустились по пахнущей кошачьей мочой лестнице пятиэтажки во двор, где дворничиха сметала в кучу мусор, оставшийся с зимы, прошли в соседний подъезд, поднялись на второй этаж, и Маша нажала кнопку звонка у железной двери направо. В глубине квартиры послышалась трель звонка, и скоро за дверью послышался звонкий девчачий голос:

– Кто там? Кого надо?

– Мариночка, это тетя Маша! Открой мне!

– А мамы нету!

– Я знаю, открой, Мариночка, это очень важно.

Запоры щелкнули, и Маша облегченно вздохнула. Похоже, все-таки существовала возможность того, что дверь мог-

ла остаться закрытой.

Из дверей выглянула десятилетняя девочка, как две капли воды похожая на Светку – русоволосая, голубоглазая. Светка так-то мне нравилась, не нравилась только ее привычка кружиться с кавказцами. Она вечно моталась с очередным Арменом или Гурамом и Машку сбивала с пути истинного. Я подозревал, что похищение из этого ряда событий.

– Заходите, тетя Маш! – пригласила девочка.

– Это дядя Вася, он со мной. – Маша шагнула за порог и спросила: – Скажи, Мариночка, у мамы есть альбом с ее фото?

– Есть, да, а что случилось? Где мама? Она должна была прийти из магазина и до сих пор нет. Я думала, что это она пришла.

– С мамой беда, Мариночка. Мама... пропала. Вот дядя Вася будет ее искать. Он маг, и ему для поиска надо фотографии твоей мамы. Ты можешь дать нам их?

– Я сейчас! – Губы девочки дрожали, но она справилась с плачем и побежала в спальню. Вернулась через минуту, с мокрыми глазами, но решительная и спокойная:

– Вот, тут! Берите, если надо.

Девочка стояла того, чтобы найти ее мать, подумалось мне, хорошая девчонка. Жаль, что жизнь ее превратит в подобие матери...

Я отобрал пару фото, подходящих для работы, потом попросил:

– Маш, глянь там в мусорке... нет ли прокладок или чего-то подобного... с кровью Светки. Если найдешь – все будет гораздо проще.

Маша пошла на кухню, пошарилась, и скоро вернулась – ни с чем. Мусора не было, все чисто. Ну что же – будем работать с тем, что есть. Развернул принесенную с собой карту города, подозвал Маринку и сказал:

– Думай сейчас о маме. Вспоминай – как она ходит, как дышит, как смеется – представь ее так, как будто она стоит рядом и ты описываешь ее внешность.

Девочка испуганно кивнула головой, а я закрыл глаза и замер. Потом протянул руку и ткнул пальцем в какую-то точку на карте. Открыл глаза, посмотрел – черт! Коттеджный поселок. Поле Чудес. Там простых нет – только богатенькие и очень, очень злые. Сунься к ним – можно огрести неприятностей по самое «не хочу»...

– Маш, это Поле Чудес. Она там. Вывезли за город, и она в одном из коттеджей. Похоже, что я не потяну один. Надо ментов. Придется писать заявление, иначе никто работать не будет.

– Я все напишу, все! – заполошно всплеснула руками Маша. – Только вытащи ее оттуда! Боюсь я чего-то, недоброе дело творится!

– Машк, а ты, похоже, и вправду становишься предсказательницей, – я внимательно посмотрел на мою подругу и покачал головой. – Я тебе точно говорю, ты мутируешь. У тебя

раньше были приступы? Чтобы ты не помнила, что с тобой было, а все рядом говорили, что ты чего-то вещала?

– Не помню... Вась, да ну ее... эту мудацию – давай Светку спасать! Девчонка ведь одна останется, если что! За что ей страдать-то? Ты слышал, что по городу находят мертвых девок? Надругаются над ними, кровь выкачают и бросают! Ой, что это я – ты же мент, ты-то точно должен знать.

– Ты чего при девчонке несешь, – прошипел я сквозь зубы. – Дурья башка, у тебя соображение-то есть?

– Да это я так просто... придумываю, – делано веселым голосом сказала Маша, глянув на набухающую слезами Маринку, – ты чего взялась, вытащим мы твою мамку!

Я еще раз уничижительно покачал головой, глядя на Машку, та растерянно пожала плечами, а мне пришлось идти в кухню, чтобы пообщаться со своими коллегами – похоже, что бывшими.

– Семеныч, вот такая история, – закончил я свой рассказ. – Я один не потяну. И оружия нет, и что я в одиночку, с Машкой, сделаю?

– Ну – с Машкой-то ты и в одиночку великолепно справишься, уверен, а вот с похитителями... ты сейчас там, да? У похищенной дома? Жди, мы скоро. – Семеныч отключился, а я облегченно вздохнул: раз Семеныч взялся за дело, дрожите, злодеи! Главное, чтобы не успели Светку покропить...

Через сорок минут запиликало световое кольцо, сообщая,

что великий капитан Федоренко прибыл на своем старом пепелаце. Вот ей-богу, эта колымага напоминает аппарат из старого-престарого фильма. Только что винта на крыше не хватает. В салоне – если его можно назвать салоном – уже сидят Коля и Петька, ну и Семеныч, собственной персоной. Машку пришлось оставить дома – и сесть некуда, места мало, и делать-то ей там особо нечего. Потом допросим, если что.

Андрюха в этот раз был сумрачен и молчалив – то ли Семеныч вжарил ему как следует, то ли просто мучился с похмелья и не желал разговаривать – в любом случае на скорость движения это не повлияло. Он врубил мигалку и попер по улице, как оглашенный, будто намереваясь убить тачку до конца и спать в гараже в свое удовольствие.

Ехать было не очень далеко. Коттеджный поселок находился за городом, у Мусельского моста, то есть через речку-гавнявку Муселку, в которую все находящиеся по ее берегам дачные кооперативы усиленно смывали свое дерьмо. Впрочем, коттеджные поселки, само собой, водой из загаженной речки не пользовались – у них или был городской водопровод, или пробуренные глубинные артезианские скважины – недешевое удовольствие, но жителям поселка вполне по карману.

– Вася, как будем подъезжать, засекай направление. Коля, будь настороже, следи по сторонам. Петя, держись возле Васи, смотри, чтобы ему башку не прострелили. Он, когда

в трансе, не может контролировать обстановку, так что ты будешь его телохранителем.

– Телохранитель у телохранителя, – усмехнулся Петька. – Как там твоя рыженькая любовь, Василий батькович? Полюбил ее с разбегу?

– Заткнись, Петь, а? – предложил Коля. – Дело серьезное, а ты все глупости несешь. Похоже, братцы, это банда сатанистов, черных магов. Все похищенные ранее – блондинки с голубыми глазами. И эта такая же. Повезло нам – они на Ваську напоролись. Уже семь женщин погибших на их счету, а сколько еще не нашли? Семеныч, они чего вообще с ними делают, ты не в курсе? Зачем кровь-то качают?

– Само собой – в курсе. Есть заклинания, вроде бы увеличивающие магическую силу – по крайней мере на какое-то время. Для этого нужна чья-то жизнь. Животного или человека. Само собой, человеческая жизнь пригодна больше. Почему блондинки? Значит, нужно. Я что, спец по черной магии? Совсем даже нет. И зачем им эта черная сила – тоже не знаю. И кровь для чего используется в обрядах – тоже не в курсе. Давайте мы возьмем скотов да и спросим у них. Стволы все взяли? Ну, кроме Васи.

– Все, – кивнул Коля. – Магические порошки – тоже. Готовы.

– Раз готовы – выгружаемся, – сухо сказал Семеныч и подал пример, выпрыгнув из машины, остановившейся перед забором из красного кирпича с блестящими орлами на стол-

бах.

– Ворота крепкие, – озабоченно сказал Коля.

– А чего нам ворота? Первый раз, что ли? – фыркнул Петька. – Переправляй нас на ту сторону!

– Да, Коль, давай! – кивнул головой Федоренко. – Вась, ты чувствуешь девушку?

– Да, – с трудом оторвался я от созерцания подпространства, – тут она. Только нить пульсирует. Как бы мы не опоздали. Похоже, с ней что-то делают.

– Ясно – что, – хмыкнул Семеныч и скомандовал. – Коля, меня первого давай!

Федоренко щелкнул затвором пистолета и плавно поднялся в воздух, перебираясь через высоченный забор усилиями нашего Коли. Он был настоящим спецом в телекинезе, и такой вес для него одно «тьфу». Это я едва держу в воздухе пару монеток, а он бы мог жонглировать всеми нами, не уставая, в течение нескольких часов.

Следом за Семенычем отправился в воздух и я, пересекая черту забора, с отвращением поглядывая на торчащие из кирпича отточенные стальные прутья – так и представил, как они вонзаются в мой зад! На высоте около метра Коля меня отпустил, и я благополучно приземлился на ноги, даже умудрившись не плюхнуться в пыль. Ну да – в пыль. Тут уже было сухо, ни намека на снег и грязь. Газончик с пробивающейся зеленью, подвязанные деревца и машина, по описанию очень похожая на ту, в которую втащили Светку, – темно-синяя,

с тонированными стеклами. (Хоть и запрещено, но эти долбоособи все равно тонируют – по-моему, это поветрие неискоренимо.) Машина стояла метрах в десяти от нас, и Семеныч тут же достал порошок развоплощения, соорудил заклинание и бросил его в автомобиль. То ли он одушевленный, то ли нет, но лишних хлопот нам не надо. Осторожность не помешает. Вдруг сейчас начнет вопить, что в дом крадутся неизвестные, само собой, с целью ее, машину, похитить.

Коля остался возле ворот, колдовать с замком – увы, телекинетик сам себя поднять не может. А мы все начали прокрадываться в дом.

Надо сказать – дом впечатлял. Три этажа. Голубые ели вокруг – типичный дом учительницы или врача-проктолога (юмор такой!). Дверь наверх была не заперта, и я, то выныривая из транса, то снова в него погружаясь, пошел вперед, поддерживаемый моими спутниками.

– На втором этаже, – тихо сказал я, и мы начали подниматься наверх, стараясь не скрипнуть ступенями. Слава богу, строили тут качественно, ступени не прогибались и не скрипели, даже под моими восьмьюдесятью килограммами костлявого веса.

С лестницы было слышно, как где-то на втором этаже заывает хор голосов, выпевая что-то речитативом. С привизгом и припевами. Что именно – разобрать я не мог. Да и не хотел. Единственно, что ощутил, как и каждый маг, – в воздухе сгущалась магия, и такой силы, что волосы встали во-

круг головы дыбом, наэлектризованные, будто стоял возле гигантского трансформатора. Я еще ни разу не был возле источника магии такой силы.

– Пошли! – Семеныч встал возле двери, изготовившись к стрельбе, Петька встал рядом, а я приготовился открывать двери. Вернее, – вышибать их. Семеныч показал три пальца – что на нашем языке означался – «На счет три!». Я понимающе кивнул головой и стал шепотом считать:

– Раз! Два! Три! – и бросился вперед, тараня дверь плечом.

Эффект был потрясающим. Мало того, что дверь оказалась незакрытой, так она еще и легко открывалась – вероятно, котенок мог открыть ее одним коготком. Так что, когда в нее врезалась восьмидесятикилограммовая туша, дверь не выдержала такого напора и пропустила объект в комнату с легкостью необычайной. Любопытно, что картину, открывшуюся мне в этом полете, я запомнил четко и навсегда. Несмотря на то что летел всего с полсекунды, не больше.

Большая, длинная комната. На полу пентаграмма, в углах которой стоят зажженные свечи. Вокруг пентаграммы пятеро голых придурков, размалеванных какими-то узорами, как древние полинезийцы. Один стоит – мужчина лет тридцати пяти. Он воздел руки вверх, как будто обращаясь к небесам, и завывает голосом, меняющим свою высоту. За ним повторяют те, кто сидит. Это их мы слышали, когда поднимались по лестнице. В центре пентаграммы находится тело Светки –

она подвешена за ноги, как туша свиньи, на крюке, вбитом в потолок. Голова Светки болтается где-то на высоте около метра, и с нее часто капает кровь, льющаяся из надрезанного горла.

Девушка жива, смотрит, но глаза ее затуманены – видимо, вкололи или влили какую-то дрянь, а может, воздействовали заклинанием. Сейчас развелось множество заклинаний, таких, что и не придумаешь. Одиночки и целые коллективы занимаются экспериментаторской магией, рискуя своей жизнью и здоровьем. Но результат настолько выгоден, настолько жирный кусок можно получить, разработав новое заклинание, что экспериментаторы рискуют, не обращая внимания на возможные последствия.

Что сразу бросилось в глаза, пока я летел эти долгие, очень долгие доли секунды? Камень. Артефакт. Он пульсировал, впитывая кровь девушки, по нему пробегали сполохи света – артефакт был практически готов к использованию. Вот куда пошла кровь семерых, или больше, девушек, убитых этими уродами.

Комната узкая, хотя и длинная, артефакт метрах в двух от меня. Первый сидящий чернокнижник спиной ко мне, совсем рядом от двери. Выбивая дверь, я оказываюсь над ним, перелетаю через него, спотыкаясь, падаю, ударяясь головой о висящую Светку, и... всем телом накрываю артефакт. В этот момент предводитель шайки как раз закончил свои завывания и выпустил последний аккорд заклинаний.

Он должен был лечь на артефакт сам – эта пакость готовилась много месяцев, как узнали потом следователи УВД, но по закону подлости улегся на камень молодой, многообещающий опер с экзотическим и нечастым именем Вася.

Ощущение было таким, как если бы я коснулся руками контакта в трансформаторе. Я не касался их никогда, само собой, но читал, что это очень плохо, и бывало, что тот, кто приспособливался писать на трансформатор, оставался и без своего шланга, и вообще без всей кожи на теле, обгоравшей в результате удара током. Тут тока не было. Но Магия... это такая штука, о которой никто не знает ничего. Какие процессы в ней бродят, как она подчиняется физическим законам мироздания – не знает никто. И уже тем более не знаю этого я – сфера моих интересов находится далеко от научно-магических исследований.

Звон в ушах и далекие-далекие голоса. Приоткрываю глаза – туманные лица, все расплывается, все какие-то странные, как будто напечатаны на плохой, старой киноплёнке, исцарапанной и помутневшей от времени. Дышится трудно, будто на груди лежит тяжеленный камень.

– О! Очнулся! – услышал я знакомый голос и, вспомнив, кому он принадлежит, отмахнулся рукой:

– Тебя мне только не хватало. Изыди, Петька.

– Ты как себя чувствуешь? – Надо мной наклонилось лицо Семеныча, озабоченно рассматривавшего своего бывшего сотрудника, видимо, решая, не будет ли нагоняя за порчу

телохранителя рыжей бестии?

– Норм... кхе-кхе, – я закашлялся, пытаюсь протолкнуть слова через пересохшее, как будто слипшееся и сросшееся горло.

– Какой там норм! – В поле зрения появился Коля. – Фингал на правом глазу, весь белый как бумага, – тебя тошнит? Еще какие-то ощущения есть?

– Хреновые мои ощущения, – я все-таки вытолкнул из себя целую фразу, – как у дерьма ощущения. Притом прошлогоднего.

– Знаю-знаю, – сочувственно кивнул головой Коля. – Я так себя чувствовал после похода с женой и ее подругой в ресторан на Восьмое марта. Нажрался так, что они меня грузили в такси, как мертвого. На следующий день я чувствовал себя именно так, как ты описал. А еще какие-то ощущения есть? Ну, что-то магическое ощущаешь? Ты же упал прямо на разряжающийся артефакт!

– Ничего не ощущаю... пока, – выдавил я из себя. – Попить что-нибудь есть? Говорить не могу, все пересохло.

Мне принесли стакан теплой, пахнувшей хлоркой воды. (Водоканал как работал по старинке, травил людей хлором, так и продолжает травить. И не желает поддаваться новым веяниям.) Я промыл глотку, и в голове стало немного яснее.

Посмотрел на пентаграмму – свечи потушили, Светку сняли. Возле пентаграммы лежало чье-то тело, накрытое скатертью со стола. Судя по босым ногам, торчащим из-под

ткани, это был кто-то из чернокнижников. Меня интересовали две вещи: 1) жива ли Светка; 2) когда я смогу отсюда свалить и вдоволь поболеть на койке, у себя дома, в своей маленькой комнатке. Впрочем, напрашивался еще вопрос: кто меня туда доставит? Потому что каждое движение вызывало у меня тошноту и головную боль.

Я попытался встать, медленно, опираясь на стену. Коллеги после случившегося перетаскивали меня к стене и аккуратно положили вдоль нее. Хорошо хоть с головой не накрыли, как этого кадра.

Кстати, а сколько времени я пролежал? Чего это они его накрыли-то? А осмотр места преступления, а криминалист? И где остальные участники сатанинской оргии? Кстати, ни одной бабы среди них не было. Гомосеки, что ли? Может, и так. Сатанинские оргии предполагают полную распушенность на их мессах. Впрочем, с чего я решил, что это сатанинская оргия? Совсем не обязательно. Чернокнижники могут и не обращаться к Сатане. Куда они обращаются – вот вопрос. Никто не знает. Вот только обряды их поганые и обязательно требуют крови, вместе с жизнью донора.

– Семеныч, Светка жива?

– Пока – да, – неохотно ответил Федоренко, бродящий вокруг пентаграммы и внимательно рассматривающий ее линии. – В больницу увезли. На переливание крови. Ее почти всю сцедили. А перед этим изнасиловали – все, по очереди.

– А это кто валяется? – Я указал на тело под покровом.

– Главный их, черный маг. Когда ты накрыл телом амбразуру, то бишь артефакт, он решил поправить дело и собирался выпустить из тебя кровушки путем взрезания твоей худой шеи. Черным кинжалом. Мне пришлось стрелять на поражение. Времени на колдовство не было. Так что – полголовы уroda как не бывало.

– Шеф всегда хорошо стрелял, – хохотнул Коля. – А в этот раз превзошел самого себя. Черепушку как консервным ножом вскрыл!

– Перестань! – поморщился Семеныч. – Мне пришлось. Он чуть голову Васке не смахнул, жаль, конечно, допросить не удалось. И отписываться теперь неделю. Ну да ладно. Мы этих кадров покругим хорошенько, расскажут, что и как. Вася, тебе благодарность. Два дня, два раскрытия! Верти дырки под вторую звезду! Я не я буду, если не пойду к начальнику и не потребую досрочного представления к очередному званию. Заслужил!

– А я заслужил доставку домой? – вяло осведомился будущий лейтенант полиции, пошатываясь и держась за голову.

– Само собой! – бодро ответил Федоренко.

– Семеныч, а чего криминалиста нет? Осмотр, что, не делали?

– Хмм... все сделали, – вмешался Коля. – Ты тут три часа валялся, я уж хотел тебя на «Скорой» отправить, да Семеныч не дал – говорит, отлежится. Мол, завтра ему на новую службу идти, а из больницы так просто не выпустят. Не – не

подумай чего – мы ощупали тебя – пульс нормальный, все в порядке. Опять же Бернгольц тебя посмотрел – все в норме. Так что не считай, что тебя бросили на произвол судьбы.

– Не считаю, – вяло запротестовал я, хотя именно так и считал.

В дороге все молчали, и лишь Семеныч время от времени встревоженно поглядывал на меня и все спрашивал вновь и вновь, нет ли у меня странных ощущений, нет ли каких-то проблем, чем меня совершенно достал. И без него было тошно.

Я поглядывал в зеркало заднего вида, видел там себя – с великолепным фиолетовым фингалом и думал: ну как, как я завтра прибуду к месту моей ссылки с такой рожей? Ответа на этот вопрос не было.

Машка, видимо, ждала дома, так как она выбежала, когда хвост автомобиля с моими коллегами потерялся за углом соседнего дома. Она бросилась мне на шею и, поцеловав в губы, с надеждой спросила:

– Ну что? Как? Нашел? Вытащил?

– Нашел, вытащил, – ответил я, тараща глаза от невыносимой боли в голове.

– И как она?

– В больнице. На переливании крови. Маш, мне идти надо. Я отвратительно себя чувствую.

– Мне зайти? Ну – я же обещала расплату натурой! – хитро прищурилась Машка.

– Нет. Вали-ка ты домой, – твердо решил я. – Мне сейчас только тебя не хватало для полного счастья. Голова у меня болит. Ни до чего мне.

– Это что, месть? – подозрительно осведомилась Машка. – У меня в четверг правда голова болела, чего теперь, ты вечно поминать будешь? И в пятницу болела, да. Давление менялось, дождь был – ты же помнишь. А как дождь, у меня всегда голова болит.

– Да какая месть?! – возмутился я. – Ты на мою рожу глянь! Видишь мои боевые раны? Так чего ерунду несешь! У меня голова так болит, что сейчас я выблюю. Хочешь – прямо на тебя? Хочешь?

– С чего это ты решил, что я этого хочу? – искренне удивилась Машка. – А твой фингал – ты с ним даже красивее. Такой весь... мужественный. Такой мачо! Ух, так бы и затрахала тебя до смерти!

Освободившись от прилипчивой подружки, я пошел домой, вяло размышляя о том, как проходит мирская слава. Вот не было фингала – Машка так никогда не возбуждалась. Чтобы ее завести, надо было постараться. Правда, потом уже остановить трудно, но вначале... это я уже знал точно – опробовано, и не один раз. И даже не десять.

Мы встречались с ней уже три года, с тех пор, как она пришла к нам попросить кружку сахара – чай попить было не с чем, а бежать в магазин влом. Я как раз сидел дома, а родители свалили к бабке с дедом, оставив дома меня одного.

Я всегда страшно сопротивлялся поездке к дедам – дурацкие разговоры о каких-то родственниках, сюсюканье бабки и слюнявые поцелуи, которые потом тайком оттирал.

Поцелуи признаю только от подружки, и то – чтобы прежде зубы почистила. Патологически брезглив, понимаешь ли. Отец всегда над этим хихикал и говорил, что я уродился в каких-то князей Пипиркиных – из общей бутылки пить брезгую, от одного куска кусать брезгую – как будто не парень с рабочих окраин, а вшивый интеллигент в десятом поколении.

В общем, когда Машка пришла, она встретила здорового половозрелого субъекта в свободной квартире и с желанием трахать все, что шевелится. Чем она и воспользовалась. Как раз это был период после ее второго развода, и Машка уже два месяца страдала без мужчины.

Видимо, эффект от нашей первой встречи был таким, что память о ней отложилась в подкорке Машули на генетическом уровне. Теперь я у нее ассоциировался с хорошим сексом и служил чем-то вроде запасного варианта – нет ничего другого, почему бы не воспользоваться этим почти двухметровым фаллоимитатором? Я все понимал, конечно, – не дурак. Только и мне это было тоже удобно. Тем более что я на знакомство с гламурными телками никак не тянул – ни по финансовому уровню, ни по происхождению. С Машкой у нас были теплые дружеские отношения. Приятно, в самом деле, иногда трахнуть друга...

Вот-вот должны были прийти родители, и я срочно залез в ванную, пока ее не оккупировали часа на два. Отец вечно по полчаса отмывал потеки машинного масла на руках, а мама иногда запиралась и устраивала там стирку. Увы, санузел у нас был совмещенный, так что выливалась это частенько в подпрыгиваниях и криках возле запертых дверей: «Скорее вы там! Уже невамогуту!»

Помывшись, я подошел к зеркалу и оторопел: на груди и животе у меня виднелся странный узор, как будто сюда врезала молния, оставив рисунок, в точности напоминающий ее фигуру. Змеистый, разветвленный след, разделенный на три части. Рисунок напоминал татуировку, каким-то образом нанесенную на мою кожу в тот период, когда я валялся в беспамятстве. Я даже подумал – уж не шутки ли это Петьки или Коли. Потом отбросил эту мысль как глупую – у них не хватило бы способностей на такую штуку. Здесь нужно было быть лекарем-магом, а я до сей поры таких не встречал – очень редкая модификация человека. Проклинающих и разрушающих хватает, а вот лечащих...

По какой-то странной причине исследования магов-ученых больше двигались в сторону военных разработок, чем в отношении лечения людей. Так что заклинаний для лечения было придумано раз-два и обчелся. А может, и хотели придумать, да не могли – может, суть упавшего метеорита была демонической, и он больше был направлен на разрушение, чем на созидание. В любом случае факт есть факт – де-

структивных заклинаний море, а лекарственных – почти нет.

Минут десять я созерцал благоприобретенную татушку, и к концу просмотра пришел к выводу, что она мне даже нравится. С ней вид у меня был странный, даже какой-то опасный. Или впечатление об опасности складывалось после созерцания моего фингала? Не знаю. Так-то я был крепким парнем, ничего не могу сказать – худоват, да. Но не болезненно, а так – жилистый, как дерево. (Только не надо называть меня дубом! Терпеть не могу! Как бабка зарядит: «Ох, какой славный унучок! Крепенький, как дубок!» И все радостно гыгычут. Тьфу!)

Не зря меня Семеныч поставил вышибать дверь – в сравнении со мной они совсем мелкие личности. Коли не было – обычно он выносит двери – телекинезом – так что пришлось по старинке. Кстати, опять я по вине Семеныча во что-то такое вляпался. В глубине души копошился червячок мысли: «Ведь падение на артефакт, заряженный темной силой, так просто не обойдется!» Но я гасил эту мысль, так как она мне не нравилась очень сильно. По моей всегдашней привычке ловить неприятности, в этом случае можно было ожидать супернеприятностей.

Я улегся спать и тут же провалился в сон, как в спасительную пуховую перину, подложенную мне при падении. Спалось тяжело – я видел какие-то темные фигуры, слышал какие-то голоса, блуждающие вокруг меня в темноте, и проснулся совершенно разбитым, часов в восемь вечера.

Выйдя на кухню, был встречен радостным криком отца, показывающего пальцем на мой глаз, почти закрывшийся от синячины, и укоризненным покачиванием головы матери, как бы говорившей «я так и знала!» Ну что ожидать от него, кроме фингала под глазом!

– Ну что, сынок, как твоя работа? Скоро придешь ко мне в помощники? – радостно хмыкнул отец, поглядывая одним глазом в ящик, где извивались очередные девицы из «Поющих трусов». Мать неодобрительно поджала губы, глядя на этот телевизионный разврат, и переключила на другой канал, где показывали передачу «Моя дача» – на мой взгляд, совершенно отвратительное зрелище людей, копошащихся в грядках, как черви.

– Садись к столу, – негромко приказала она. – Сейчас я приложу тебе гель от ушибов – остался от прошлого года, когда я упала возле школы на гололеде. С такой физиономией не то что на работу ходить нельзя, но и выходить на улицу – ваши же и заберут. Скажут – бандюган какой-то.

Я протестовать не стал, уселся за стол, и пока хлебал щи из чашки, поставленной передо мной матерью, она сходила за вонючим гелем и ловко наляпала его мне прямо в глазницу. Скоро боль начала проходить и глаз стал открываться. Похоже, что гель был из новомодных лекарств, заговоренных магами, – обычный гель не мог так быстро освободить меня от опухоли. Хотя... кто знает. Не спец в гелях.

Отец что-то толковал о новой машине, которая пришла

к ним на ремонт, о том, как надо бы поднимать тарифы, а начальник все мозги крутит, о том, что скоро будет лето и надо бы на даче все привести в порядок, а я думал о своем – какого черта мне все время мерещится, что за матерью, спящей у плиты, кто-то ходит. Мне казалось, что я вижу темные сущности, пролетающие в комнате, и меня это очень-очень беспокоило. Или я спятил, или начинается действие магии, полученной от разряженного моим телом артефакта.

Вот что это был за артефакт? С какой стати камень размером с кулак так активно впитывал кровь, и куда она потом девалась? В меня вселились бесы? Про одержимость демонами я слыхивал ранее – но до сих пор с таким делом не сталкивался. Да и не слышал я никаких голосов, никто не заставлял меня выкрикивать ругательства и богохульства – все как обычно, никаких изменений.

Пообщавшись с родичами минут двадцать, сообщив, что я в отпуске с завтрашнего дня и на время отпуска нашел себе работу, под их дружные крики и любопытные вопросы отправился в свою комнату, решительно отбившись от попыток выведать всю правду-матку.

Я улегся в постель, погасил свет... и проснулся уже утром, в шесть часов утра, как по команде. Вот спать бы еще, да – часок, не меньше, но мне почему-то не спалось. Тело было бодрым, свежим, как будто я отдыхал несколько дней и был заряжен наркотиком, применяемым нерадивыми бегунами на длинные дистанции. (Вчера видел по ящику в новостях,

как одного такого дисквалифицировали – нашли в крови какой-то магический наркотик – на всю жизнь его лишили возможности зарабатывать деньги с помощью своих тренированных ног. А и поделом тебе – не фиг обманывать честных граждан!)

Тихо пошел в ванну, стал чистить зубы, умываться, все время чуть не подергиваясь от распирающей меня энергии. Мне хотелось прыгать, скакать. Состояние было совершенно ненормальным – по крайней мере для меня. Я по сути своей сова, ложусь поздно, вставать норовлю тоже поздно. И вот такие приколы с ранним подъемом совсем не в моем стиле.

Голова совершенно ясная, светлая, мысли аж звенят, как хрустальные шарики, катающиеся в фарфоровом кувшине. И это позволило мне сосредоточиться как следует и увидеть, как некий человек ушел на моих глазах в стену, появившись неизвестно откуда. Я поперхнулся зубной пастой, вызвавшей рвотный рефлекс, – терпеть не могу, когда зубная паста попадает на корень языка. Брррр... гадость. Впрочем, – я также не пью водку и коньяк – сразу рвотный позыв, как только они попадают в рот. Это единственное, что матери нравилось в моем поведении. Нет – не единственное. Еще то, что я не курю – в отца. Вот Машка – та курит, и целовать ее после курения просто противно, о чем я ей говорил уже не раз. Похоже на то, как целуешь корзину с бычками и туалетной бумагой.

Я уселся на крышку унитаза – самое лучшее место для

размышлений – и задумался: что происходит? Похоже, что мои способности мага изменились в какую-то сторону. В какую – это еще следовало выяснять. Что за фигуры, которые я вижу? Кто это? Была у меня одна мыслишка... но слишком фантастичная, чтобы я принял ее за основу. Впрочем, как сказал какой-то из великих физиков: «Достаточно ли эта идея безумна, чтобы быть правильной?» На мой взгляд, идея была в высшей мере безумной. А значит, единственно правильной. Я видел души мертвых.

Разглядывать тени и размышлять было некогда – пора на новую работу. Выскочив из ванной, я побежал на кухню, выхватил из холодильника батон условно-съедобной докторской колбасы, сделал себе бутерброд и стал поглощать его с отвращением и некрасивой жадностью. Оно вроде и есть хотелось – на меня напал прямо-таки какой-то едун, но и есть эту гадость было необычайно противно.

Я всегда в детстве думал, что докторская колбаса названа так потому, что как только ее съешь, надо отправляться к доктору. И что вот интересно – вкус этой колбасы почему-то не зависит от ее цены. Все колбасы подобного типа одинаково противны.

Бабушка всегда вспоминала, что когда она была еще девочкой, в Советском Союзе делали колбасу такую, что можно было целый день ее есть и не отправиться на горшок от несварения желудка. Вот только мне почему-то в это не верилось. С тех пор как большевики уничтожили Российскую

империю, колбаса была именно такой, какая она сейчас. Видимо, как способ воспитания советского народа: люди, жрущие такую колбасу, уже ничего не должны бояться – все худшее они уже испытали. Чего там американские ракеты? У нас докторская есть!

В кухонном зеркале отражалось мое угрюмое лицо, челюсти с отвращением пережевывающие бутерброд, а еще – слегка пожелтевший и позеленевший фингал. Глаз видел уже совершенно свободно, опухоль ушла, но эта радуга на правом глазу напоминала о чем-то космическом, например, о комете Галлея.

Схватив куртку, сунув ноги в водонепроницаемые заговоренные башмаки (треть зарплаты! Но нужная вещь, когда целыми днями и ночами бродишь по городским лужам), я бросился на остановку.

Ехать было не так далеко – дом Гриньковых находился в центральном районе, на улочке под названием Николаевская. (Ранее она называлась – 30 лет Советской власти, как некогда мне сообщила бабушка, знающая все старинные названия улиц.) Когда-то здесь находился дом детского творчества, потом его прихватизировали, перестроили, и ныне это был особняк бедной семьи Гриньковых, вынужденной влачить жалкое существование в пятидесяти комнатах с десятью сортирами.

Никогда, кстати, не понимал – какого черта эти олигархи сидят в России, когда можно свалить куда-нибудь на побере-

жье Мексики или в другие благословенные места и не нюхать городскую вонь, не стоять в пробках и не жрать эту колбасу. Тыфу! Впрочем, это я жру эдакую пакость – они-то точно ее и не нюхали.

Охранник возле шлагбаума, перегородившего въезд на улицу Николаевскую, тут же выскочил к подозрительному типу, ошивающемуся возле будки КПП, и угрожающе спросил:

– Че надо?! Че ты тут ошиваешься с такой рожей?

– Ну я же не спрашиваю, чего ты ошиваешься с такой рожей в нашем благословенном городе? – мирно ответствовал я и приготовился к акту агрессии, не заставившему себя ждать.

– Че? Че ты сказал?! Да я шас тебя! – Здоровенная лапа недоумка потянулась к отворотам моей куртки, а пальцы второй стали складываться в подобие арбуза, когда я как можно более грозно завопил:

– Стоять! Милиция! Предъявить документы!

– Какие документы?! – опешил охранник, но кулак-арбуз опустил. – Ты кто такой?

– Оперуполномоченный Октябрьского отдела лейтенант Кольцов! (Слово «младший» я опустил – просто для удобства произношения, и ни за чем больше.)

– А-а... так бы и сказал, – хмуро отвечал цербер и мирно предложил. – Постой пока тут, я доложу. Нас предупреждали, что ты придешь, но все-таки лучше сообщить.

Пусть встретят. Лучше перебдить, чем недобдить. Потом сами же будут орать и брызгать слюнями. На то оно и начальство.

Я с охранником в этом вопросе был совершенно согласен – начальство, оно на то и начальство, чтобы вести себя неадекватно, тупо и обижать таких людей, как я, на которых держится весь мир. Как на китах. Или на атлантах. Видел я такую картинку – в Питере вроде как. Атланты там держали небо на каменных плечах.

Охранник с минуту общался с кем-то в доме по служебному зеркалу, потом вышел и хмуро сказал:

– Подожди, сейчас выйдут и проводят. Получил я пилюлей за тебя – и непонятно за что. Пропустил бы без спроса – получи пилюлей, не пропустил – тоже получи. Нет в жизни справедливости. И что, мне больше всех надо? С такой гребаной зарплатой...

Я слушал плач Ярославны из уст охранника и с интересом смотрел, как возле него появилась фигура женщины с растрепанными волосами и безумным взглядом. Она постояла возле парня, что-то сказала (я слышал голос!), помахала мне рукой, скрестила руки на груди и удалилась, медленно и плавно уйдя в землю, как будто бы погружаясь в жидкую грязь. Мимо промелькнули фигурки двух детей, с криками бегущих куда-то к призрачной цели, и я замер, затаив дыхание.

Они были такими ясными, такими живыми, что если бы

не их серая кожа и серая одежда, можно было принять за живых людей.

Я глубоко вздохнул, обнаружив, что если сейчас не вдохну, то могу свалиться в обморок, и стал лихорадочно размышлять – ЧТО ЭТО? Ясно, что так подействовал на меня неизвестный артефакт, я впитал жизненную энергию множества убиенных злодеями женщин. Но что изменилось, что я теперь могу – вот в чем вопрос! И тут же очевидный ответ – я вижу мертвых. Вижу мертвых?! Ой-ой... вообще-то некромантия не особо-то в ранге положенного для гражданина великой России, а уж тем более для добропорядочного полицейского. Почему? Потому, что в основе некромантии всегда лежат человеческие жизни, вернее – смерть человеческих жизней. Коряво – но правда. Чтобы стать некромантом, чтобы общаться с миром мертвых, чтобы делать странные вещи, присущие магии некромантов, надо лишить жизни множество людей. И не просто лишить жизни, но еще в определенное время. С определенными заклинаниями, более того – надо быть восприимчивым к данному виду магии. Так нам преподавали на курсах магии для полицейских.

И теперь что, я – некромант?! О боже, о мамочка рóдная! Если в УВД узнают – мне закроют путь в полицию навсегда. Некроманты считаются неуравновешенными, непредсказуемыми типами, кроме того, в них частенько вселяются демоны! Мысленно проверил уголки своей головы и тела – может, и взаправду во мне уже сидит демон? Да как я могу

это определить, если он, демон, со мной сросся наглухо! Ни-как. Ни-как! Есть для этого специальные средства, есть тесты, и то они не дают стопроцентного результата. Нет, можно со стопроцентной уверенностью сказать, есть демон во мне или нет, если отрубить башку. И тогда демон вылезет из моего тела и с хохотом исчезнет. Только вот не собираюсь я делать такие тесты – хрен вам всем! Я собираюсь охранять тело рыжей Василисы, заработать денег, купить себе приличную тачку и выйти на пенсию как минимум майором полиции, уважаемым пенсионером, в сорок лет – как положено магу-полицейскому.

С этими мыслями я и направился навстречу человеку, одетому в безупречного покроя серый костюм и галстук, медленно и важно шествующему к шлагбауму.

Глава 4

– Вы Василий Кольцов? – спросил важный господин, строго глядя на меня и как бы подозревая, что я точно взял чужую фамилию и пытаюсь под ней пройти на священную территорию Гриньковых, дабы лишить девственности их рыжую дочь.

– Я Кольцов. Вам что, удостоверение показать? – немного агрессивно начал я.

– Желательно, – невозмутимо кивнул господин, заглянул в предоставленную красную книжечку и жестом пригласил идти за собой.

Так началась моя служба в роли телохранителя госпожи Василисы Гриньковой.

Семейство олигарха сидело в полном составе в светлой столовой и осуществляло диетическое питание под надзором прислуги и кухарки.

Мое появление на пороге комнаты вызвало разнообразную реакцию у присутствующих на завтраке лиц: Василиса радостно вскрикнула и бросилась ко мне, вскочив из-за накрытого белой скатертью стола, ее брат, Вадим, поперхнулся кофе и выплюнул его прямо на скатерть, образовав темное пятно, очертаниями напоминающее Северную Америку, мать Василисы покраснела, сжала в руках салфетку так, что стало ясно – вместо салфетки она представляет горло некое-

го оперуполномоченного. Отец Василисы иронично ухмыльнулся и весело помахал мне правой рукой, левой держа чашечку кофе с молоком. Слуга, стоящий рядом, никак не выдал своего настроения и отношения к появившейся фигуре – это был вышколенный слуга, выдавший виды и знавший, что иногда лучше промолчать не подать виду, что чего-то увидел. Себе дороже...

– О господи! С такой рожей! – злобно буркнула потенциальная теща, а Василиса вцепилась мне в шею и попыталась впиться в мой многострадальный рот своими пухлыми губками. Ее мать скривилась и растерянно сказала:

– Николай, да сделай что-нибудь! Ну что ты сидишь и смотришь на это безобразие!

Мужчина оторвался от процесса питания, вздохнул и встал из-за стола:

– Пойдем со мной, побеседуем... Василий, да? Василий и Василиса! Интересно, – задумчиво поднял брови олигарх, чем вызвал яростное фырчание свой энергичной супруги.

Я прошел за хозяином дома через длинный коридор, напоминавший виденные мной картинки Эрмитажа, поднялся на второй этаж и вошел следом за мужчиной в большой кабинет, обставленный кожаной мебелью и рядами книжных полок, уходящими до самого потолка. Олигарх пропустил меня вперед, закрыл дверь, крутнув колесико стопора, и облегченно вздохнул:

– Теперь никто не помешает. Присядем вот тут. – Он ука-

зал на два кожаных диванчика светло-серой кожи, стоявших вокруг деревянного столика, сделанного вычурно и красиво. Похоже, что этот столик стоил больше, чем я зарабатываю за полгода. А может, и еще больше.

– Курить будешь? – Мужчина пододвинул мне коробку, где пулеметными патронами были уложены коричневые цилиндрики дорогих сигар. Рядом лежала гильотинка – подзирительного желто-золотого цвета.

– Благодарю – не курю, – отрицательно помотал я головой, и приготовился к длительному и нудному разговору на тему – какой я подлец, влюбивший в себя несчастную девочку.

– А я закурю, если ты не против, – для порядка спросил мужчина, а я подумал: интересно, как это я могу отказать в курении хозяину дома? Хватило бы у меня смелости сказать – нет, уважаемый, не курите при мне! Запах табака мне отвратителен, и вообще, ваша привычка есть дикарство и пережиток прошлого! Конечно, такой смелости у меня не было. И наглости.

Мужчина откусил гильотинкой кончик сигары, щелкнул зажигалкой, стоящей моей недельной зарплаты, выпустил клуб дыма, вежливо разогнанный его ладонью, и с усмешкой спросил:

– Ну что, попал? Да ладно – не тушуйся. Я же знаю, что ты не околдовывал, что ты честный мент и спас мою дочь – за что я тебе и благодарен. Но и расстраивать супругу я не хочу. Понимаешь... некоторым образом я ее люблю. И если

буду выбирать между ней и тобой, как ни странно, выберу ее. Она мне дороже. Вот вбила она себе в голову, что ты Ваську околдовал. И все тут! Хоть кол на голове теши – она всегда была упрямой. И еще: если ты переспишь с Васькой, она тебя в гроб загонит – гарантия, даже не сомневайся. Я палец о палец не ударю, чтобы тебя вытащить. Мне свое душевное равновесие дороже. Моя дочь вся в мать – своенравная, если вобьет что-то себе в голову, это не вытащить. А если еще к этому приложить заклятие...

Мужчина помолчал, выпуская клубы дыма, уходящие куда-то вверх и втягиваемые системой вентиляции, потом продолжил:

– Итак, ты меж двух огней. Слева моя дочь, желающая немедленно с тобой переспать, а также – спать с тобой всю оставшуюся ей долгую жизнь, а справа моя супруга, которая обладает ресурсом, достаточным для того, чтобы не просто испортить тебе жизнь, но и просто лишить тебя оной. Ресурс-то в принципе мой, но как я могу отказать любимой жене? – Олигарх явно развлекался, глядя на то, как я краснею и бледнею.

– Итак, в твою обязанность входит: сопровождение моей дочери там, куда, куда она скажет, охрана – я тебе выдам приличный ствол, документы на него уже подготовлены. Надеюсь, ты умеешь им пользоваться. Ты получишь одежду, приличествующую твоей новой работе, – рядом с моей дочерью не может находиться человек в таких отрепьях, как на тебе.

Ты будешь жить тут, в этом доме, – комната тебе уже подготовлена. Ты будешь питаться в этом доме – лучше у себя или со слугами. Впрочем, если пожелает Василиса, то и за нашим столом. Любопытно будет в этом случае поглядеть на физиономию моей женушки! – Олигарх хохотнул и затянулся сигарой. – В общем, все обеспечение лежит на мне. Кроме того – ты будешь получать жалованье двадцать тысяч евро в месяц, которые будут падать тебе на счет ежемесячно начиная с этого дня. Пока ты работаешь в качестве телохранителя дочери. Вот твоя банковская карта – Сбербанк, так, я думаю, тебе привычнее. – Мужчина достал из внутреннего кармана кредитную карту и щелчком отправил ее через стол ко мне, замершему в немом удивлении.

– За вами будут присматривать – надеюсь, ты не подумал, что я оставлю мою дочь на милость какого-то мальчишки-мента? Твоя роль номинальна – ты игрушка моей дочери. Но при этом все же – настоящий телохранитель со всеми его обязанностями. Если ты не сможешь защитить мою дочь – я тебя уничтожу. Если, конечно, возможность спасти была, а ты сбежал, испугался или сделал что-то такое, из-за чего она пострадала. Теперь перейдем к тому, что тебе делать ни в коем случае нельзя. Итак: перво-наперво – запрещается трахать мою дочь. Если она лишится с тобой девственности – зона тебе обеспечена. За соvrащение несовершеннолетней, использование служебного положения в личных целях и так далее. Из зоны скорее всего ты не выйдешь. Или

я не знаю свою жену. Второе: тебе запрещается не уберегать мою дочь. Боже тебя упаси допустить, чтобы с нее слетел хоть один волос. Ты пострадаешь. Но это я уже говорил, повторяюсь. И третье: если хоть что-то, что ты увидишь в этом доме, услышишь случайно или намеренно, выйдет из этого дома, попадет к журналистам или же к моим конкурентам – ты умрешь. Я просто тебя убью. – Черты лица олигарха замерли, как будто окаменели, он разом превратился из веселого мужичка в статую горгульи, живо напомнившую о том, что, как писал Маркс: «В основе каждого крупного капитала лежит преступление».

Преступление в основе капитала гражданина Гринькова было, и, похоже, не одно. И одним больше, одним меньше – для него значения не имеет. Это я почувствовал совершенно определенно. Ну что было делать? Встать и уйти? Или не встать и не уходить. И в том, и в этом случае мне грозили неприятности, и очень большие. Но во втором случае – возможно, был какой-то выход. Опять же – деньги неплохие... в общем, я сдался.

– Где могу получить оружие? – холодно спросил я. – И еще – мне надо магические спецсредства. Список я вам передам через час.

– Хорошо, – не удивился олигарх. – Все, что необходимо, все получишь. За тобой закрепляется автомобиль «Мерседес-703» с бронированным корпусом. Машина одушевленная, но есть и ручное управление для экстренных случаев.

Камень только что разогрели, так что проблем не будет. На забывай только подливать воду. Впрочем, это тебе не российский автопром, ее надо будет заливать раз в месяц при самой интенсивной езде. И еще – будь поосторожнее с моей супругой. Она так-то женщина хорошая, и мне не хотелось бы, чтобы она взяла грех на душу, убив тебя. Лучше смолчи лишний раз. И по дочери – пусть целует-обнимает, что угодно делает с тобой, но если ты лишишь ее девственности... любым способом... в общем – читай выше. Да! Первое твое жалованье упадет на карту через час. Если возникнут какие-то вопросы – решать будешь с Борисом Викторовичем – это управляющий моим домом – он тебя встретил у КПП.

– Как мне вас называть?

– Владислав Петрович, а супругу Мария Васильевна. Я заместитель генерального директора «Главнефтепродукт сервис». Это чтобы ты знал. У меня еще есть сын Вадим, он старше Василисы на два года. Ты видел его за столом. Со слугами сам познакомишься. Одушевление машины записано на Бориса, подойдешь к нему, он тебя знакомит с машиной. Ну что же – вроде все. А! – забыл: начальник охраны Игорь Михайлович, у него и получишь оружие. Прямо сейчас шагай, он в курсе. Найдешь его на первом этаже, направо от входа, синяя дверь. Твоя комната на третьем этаже, Борис тебе покажет. Еще нюанс – парень ты молодой... с девушками из персонала можешь, сколько тебе угодно, по их согла-

сию, конечно, и не так уж явно, чтобы не расстраивать мою дочь. Ведь она реально тебя любит. Не советую тебе ее расстраивать... Если захочешь найти развлечения в городе – нет проблем, девок сколько угодно, только сюда водить их запрещено. Итак: сейчас к Игорю Михайловичу, вооружаешься, потом к Борису Викторовичу, получаешь доступ к машине, к комнате, получаешь одежду и обувь, а затем – поступаешь в распоряжение моей дочери. Все, шагай!

И я пошагал. Комната оказалась довольно большой, светлой, с широкой двуспальной кроватью. Это был не намек, конечно, комната гостевая, и никто не станет специально переставлять, ставя для меня узкую, недвуспальную кровать. При комнате – туалет, ванная – светлые, большие, размером с нашу квартиру в Заводском районе. Живут же люди! В шкафу уже висели костюм, рубашки, галстуки – все, что мне нужно. Одних трусов штук тридцать, как бы на каждый день месяца. Тут же я с неприязнью подумал – чего я им, засранец, что ли? Столько трусов... Считают, что я в них делаю каждый день, наверное. Ну что сказать – я парень с рабочей окраины.

Получил и ствол. «Глок». Очень понравился аппарат – в кино такой видал. Плоский, небольшой, но очень мощный – последняя модификация. Есть все, даже запасная обойма с разрывными патронами. Начальник охраны – приличный дядька, чем-то напоминающий Семеныча, только гораздо старше, видно, что мент на пенсии.

Он внимательно осмотрел меня, вздохнул и сказал:

– Посещение спортзала обязательно. Он находится в полуподвале, там тренажеры и все, что нужно для того, чтобы сделать из тощего доходяги нормального человека. Ходи хотя бы через день. Это зал для охраны, хозяева занимаются в другом, на третьем этаже. Рукопашный бой – я сам преподаю своей охране – каждый день. Там же, в зале. Я знаю о тебе все, что можно знать. Ну что сказать, парень... бывает и хуже. Наслаждайся жизнью и забудь о неприятностях – что еще можно тебе пожелать?

«Действительно – что? Может, не видеть эти рожи?» – подумал я и с отвращением посмотрел на тень некоего старика, кивающего головой из-за начальника охраны. Старик был похож на Санта-Клауса, имел развевающуюся бороду и длинные белые волосы. Интересно, из какого века он вылез?

– Вот еще что – тир находится рядом со спортзалом, каждый день обязательно нужно выпускать по мишени минимум пять обойм. Сегодня зайдешь – я посмотрю, как ты стреляешь. Если плохо – будешь жечь патроны, пока не научишься хотя бы сносно попадать в цель. Знаю я эту ментовскую тренировку в стрельбе – хорошо, если свою задницу не прострелит: «Лейтенант Сидоров, на огневой рубеж шагом марш! Заряжай! Огонь! Лейтенант Сидоров стрельбу окончил! К мишени, шагом марш!» Млять – в поясную мишень семьдесят процентов недоумков попасть не могут. В наше время хоть стрелять умели, а сейчас менты совсем убогие сделались – мелкорослые, как карлики, хилые, чах-

лые. Впрочем, если тебя подкачать – ничего так будешь, рост у тебя нормальный. Может, потому и выкинули из ментовки, что слишком выделяешься?

– Никто меня не выкидывал, – попробовал огрызнуться я. – Я тут временно, пока не решу вопрос с Василисой.

– Интересно, а чего ты имел в виду под решением вопроса, – ухмыльнулся Игорь Михайлович. – Смотри, решальщик, не заигрывайся... Что касается «временно» – нет ничего более долговечного, чем бараки, которые строили на три месяца. Они потом стоят тридцать лет. Эта пословица раньше нас с тобой родилась, еще в домагическое время. Кстати, ты единственный маг в доме. Придется закупать тебе магические порошки отдельно. У нас ничего такого нет.

– Почему это? – не понял я. – Как вы без магов обходитесь? Неужто ни одного нет? И мутантов нет – оборотней, нимф и всякого такого прочего?

– Нет ничего такого. Хозяйка очень не любит магов и мутантов, испытывает к ним недоверие. Да и хозяин не очень-то этих кадров любит. Ну, представь, если появится оборотень, который своим волчьим слухом слышит все, что делается в кабинете хозяина даже через двойные двери. Даже сквозь звукоизоляцию. А у него деловая встреча, а бизнес – такое дело, что тут нельзя без тайных переговоров, без секретов. Зачем ему подслушивающие и подглядывающие шпионы?

– Ну я-то не оборотень, обычный маг-поисковик. Чего та-

кого-то?

– Никто не знает, что вы, маги, на самом деле умеете. Вы и сами-то не знаете. Может, у тебя разовьются способности видеть сквозь стены, или подслушивать, или... в общем, не любят у нас магов. Не допускают их в дом. Ты – единственное исключение. Если бы не Василиса... кстати, ты правда ее не околдовал, ну так, чисто между нами?

– Не делайте из меня дурака, а? Может, я и выгляжу полным лохом, однако достаточно опытный мент-разыскник и ваши дешевые понты вычисляю на раз, уважаемый Игорь Михайлович, – окрысился я. – Зачем спрашивать то, на что будет однозначный ответ? Если я не околдовывал – отвечу на ваш вопрос – нет! Если околдовывал – тем более скажу – нет, так как преследую свои цели! Так какого черта вы спрашиваете?

– Хммм... ты и правда не так прост, как кажешься с первого взгляда, – усмехнулся начальник охраны. – Что же, мне кажется, мы с тобой сработаемся. Впрочем, нам ничего другого не остается. Я не могу тебя уволить без ведома хозяев, а ты не можешь уволиться – по той же причине. И все-таки, а ты можешь снять с нее заклятие? И вообще – зачем оно было наложено? Как ты это понимаешь.

– Снять – не могу. Не хватает уровня магии, не хватает контрзаклинания, а самое главное – ингредиентов для изготовления колдовского порошка, признался я, – ну сами посудите, как можно приготовить этот порошок для снятия

заклятия, если одним из его компонентов является кровь, появившаяся у объекта воздействия после лишения ее девственности? То есть – снять можно, имея высокий уровень магии, но для того вначале нужно этот объект трахнуть! А за то меня сгноят в земле – обещали добрые наши хозяева. Я специально почитал литературу по этому заклинанию и контрзаклинанию на него. Кстати сказать – наложить заклинание легче, а вот снять его... практически невозможно. С годами оно теряет силу, ослабляется – но ненамного. Первые пять лет объект просто на стену лезет от желания быть рядом со своим объектом вожделения, видеть его несколько раз в день... спать с ним. А если не может этого всего делать – получает нервный срыв, иногда даже кончает с собой, если имеет слабые нервы.

– Хмм... интересно, – покачал головой начальник охраны. – Сочувствую тебе. Представляю, что тебя ожидает. Держись. Очень бы не хотелось, чтобы с тобой что-то случилось. И все-таки с какой стати маг-наркодилер наложил на нее такое заклятие? С чем это связано?

– Я скажу вам свои соображения, а вы мне расскажете, как вообще произошло похищение, ладно? Я же буду ее охранять, так что мне нужно знать.

– Без проблем. Ну, так что ты думаешь по вопросу?

– Итак, давайте рассуждать: есть некий маг, которому что-то нужно от объекта «Х». Например, время от времени брать у нее кровь. Как сделать, чтобы объект «Х» не только не про-

тестовал против этого, но и всячески содействовал своему похитителю? Конечно, влюбить в себя намертво. Что и должно было случиться.

– Но как ты-то оказался на месте этого мага? – не выдержал начальник охраны. – Почему она влюбилась в тебя, а не в того самого мага? Нестыковочка!

– Видно, что вы плохо знаете магию, – усмехнулся я, а начальник охраны пожал плечами – что есть, то есть. – Я специально порылся в справочниках, в том числе и ДСП. Так вот – у заклинания подчинения – так оно называется в оригинале – есть побочное явление: после того как его налагают, объект воздействия впадает в состояние, близкое к коме, на неопределенное время. Первый человек, которого он увидит после пробуждения, и будет его предметом вожделения. Когда очнется заклятый – никто не знает. От минуты до нескольких суток – вот период комы. Сразу возникает вопрос – почему маг не мог наложить заклятие тогда, когда Василиса находилась у него в руках? Ведь ее не было три дня! Это может сказать только он, когда его поймают. Но он от нас ушел. Улетел. Можем только выдвигать предположения – например, не было нужного порошка. Или вульгарно некогда было. Заклинание непростое, его нужно налагать в определенное время суток, после определенных процедур. Ну что же – дальнейший результат вы знаете.

– Забавно. Слушай – а вот сказки о спящей царевне, там вроде как ее будили поцелуем, и она сразу влюблялась

в принца... тебе не кажется, что магия была еще до падения болида? Что при падении метеора она лишь вырвалась наружу?

– Может, и так. Кстати, что касается пробуждения принцессы – в оригинале, насколько помню, поцелуем и не пахло. Принц совершил с принцессой половой акт, после чего она проснулась и в него втюрилась. Поинтересуйтесь вот, для интересу. Я интересовался...

– Вот это ты врешь, – усмехнулся начальник охраны. – В оригинале сказки принц занялся со спящей красавицей сексом, потом бросил ее в постели и спокойно уехал домой. А у нее через девять месяцев родилась двойня, и один ребенок стал сосать палец матери и высосал оттуда ядовитый шип, от которого она ранее и заснула. Девушка проснулась – оп-па! Она в постели и два младенца рядом! И совсем она не девушка даже! Так-то вот, «молодой», я лучше помню...

– Ну вы и постарше, древнее – сказка-то старая, вы к ней по возрасту поближе будете – так что вам и карты в руки, – ухмыльнулся я. – Мой вариант более приближен к реалиям. Все-таки к делу, расскажите, как исчезла Василиса. Неужели вы все, с вашими возможностями, вашей технической оснащенностью, не смогли уберечь одну девчонку? Даже не верится.

– И мне не верится, – сознался Игорь Михайлович. – Школа закрытая, охрана. Наши сидят в машине возле входа, на улице. Василиса не выходит. Начинается паника, ее ищут.

Нет! Нигде нет! Она не выходила, но ее нет. Рюкзачок с учебниками исчез, девушки нет. Одноклассники ничего не видели, не слышали.

— А кто решил обратиться в отдел магов-поисковиков? Если вы так боитесь магов? Как вообще хозяйка решилась на такой шаг?

— А что еще оставалось? — пожал плечами начальник охраны. — Третьи сутки прошли, все попытки разыскать были безуспешны. И тогда я вспомнил о новом отделе — оперативно-магическом. Навел справки, и мне сказали, что там есть хороший маг-поисковик. Некий Кольцов, пацан молодой, но подающий надежды, и главное — всегда находит человека, если тот жив. Ну вот мы и обратились к тебе. Можно сказать, моя инициатива. Правда, за это я уже получил порцию дерьма. Маг-поисковик оказался злодеем, околдовавшим несчастную наивную девушку. А крайним оказался я, не рассмотревший в этом наивном пацане исчадь ада, хитрое, коварное и злобное, как три сатаны.

— Я чего-то даже как-то приподнялся в своих глазах — не все достаиваются звания сатаны, да еще трижды! — хмыкнул я. — У вас там нет специальных знаков, носимых на заднице — «Адепт сатаны третьего класса»?

— На заднице у нас носят только следы пенделей, когда работника выкидывают пинком за профнепригодность, — невозмутимо ответил начальник охраны. — Это грозило всем нам, после того как Василиса пропала. Надо сказать, что она

вообще-то любимица отца и матери и якобы ее метят на тепленькое местечко где-то в руководстве структурой нефтянки. Или версия два – замуж за очень важную персону – вот откуда и такая забота о ее девственности. В наше время очень трепетное отношение к первому акту любви, непонятно даже почему так. Во времена моей молодости к этому делу относились как к пережитку прошлого, времен Ивана Грозного. Ну какая разница – был у девушки до свадьбы секс или нет?

– А мне все очень даже понятно, – пожал плечами я. – Вы мыслите категориями прошлого, домагического времени. Кровь и части тела девственниц, особенно рыжих, особенно рожденных под знаком Скорпиона, входят в состав бесчисленного множества магических порошков, и некоторые из них стоят баснословных денег. Так что наша Василиса это ходячий капитал, и нет ничего удивительного в том, что ее похитили. Кстати, она-то что-то о похищении помнит? Впрочем, даю рупь за сто, что она ничегошеньки не помнит. Я бы на месте похитителя оглушил ее магией и стер память.

– Что он и сделал, – согласно кивнул головой начальник охраны. – Я всегда говорил хозяину – надо иметь в штате мага! Ну нельзя в наше время, время магии и чудес, работать дедовскими методами! Конечно, они тоже имеют право на существование, эти самые дедовские методы. За сотни лет наработан огромный опыт спецслужб, нельзя сбрасывать его со счетов. Но – в нем нет примеров борьбы с магами! Мы не

можем противостоять магическому воздействию, и это печально. Если уж бог послал в этот мир Магию – надо к ней приспособливаться. Видишь, как ты ловко все разложил по полочкам, ведь я некоторые вещи и не знал. Они слишком специфичны и не входят в круг интересов начальника охраны. Откуда вот я мог знать о принципе действия заклятия подчинения? Кстати, уже чисто для интереса – а если бы ее разбудила женщина? Ведь Василиса никогда не имела склонности к лесбийской любви. Как она бы отреагировала на такой пассаж?

– Хммм... искренне бы ее любила, заботилась бы о ней – исключив сексуальный мотив, если она не лесби и не би. Отдала бы за нее жизнь, если б понадобилось. Напрашивается вопрос про мужчин, да? – усмехнулся я. – То же самое. Если нет склонности к гомосексуализму, никакие заклинания не заставят совершать сексуальные действия с человеком одного с вами пола. Это же на генетическом уровне заложено, так что...

– Ффухх... ты меня успокоил, – рассмеялся Игорь Михайлович. – Не хватало, чтобы кто-нибудь кинул заклинание и я стал педерастом. Кстати, а возможно наложить заклинание подчинения на расстоянии? Вернее – так: на каком расстоянии можно наложить заклинание подчинения?

– На нулевом. Маг должен касаться жертвы руками, желательно обеими. Тогда магия легче входит в тело объекта. На расстоянии это сделать нельзя.

– А вот это хорошая новость! – обрадовался начальник охраны. – Надо предупредить ребят, чтобы не здоровались за руку с незнакомыми людьми. Ну ладно – поговорили хорошо, я доволен. Ты дельный парень, мы сработаемся.

– Прежде чем я приступлю к своим обязанностям, расскажите мне распорядок для Василисы и что конкретно я должен делать.

– Делать? Болтаться рядом с ней и ублажать ее всеми методами, кроме сексуальных. Это же понятно. Ее распорядок: утром ты отвозишь ее в школу, после окончания занятий забираешь и везешь туда, куда она скажет. В клуб так в клуб. Домой так домой. Ресторан так в ресторан. Вообще-то я считаю, что этой девушке позволяют слишком много, но это их дело, хозяев. Считают, что нормально для молодой девчонки оставлять в клубе по пятьсот баксов заразы, – это их дело. Это их деньги.

– А если она снова исчезнет из школы?

– Ну что теперь, поставить охрану прямо у нее за спиной? Ну что теперь поделаешь? Будем искать злодея и накажем по всей строгости. Охрану у нее за спиной, говоришь... – начальник охраны задумчиво посмотрел на меня, и я понял – неприятности продолжаются!

– Оставь ствол. – Начальник охраны сиял радостью и весельем. – И удостоверение оставь у себя в комнате. Ну какой школьник ходит с ментовским удостоверением?

– Порошки магические можно взять? – Мой голос был хмурым, как октябрьское утро.

– Возьми, почему и нет, – сиял Игорь Михайлович. – Не возбраняется! Главное – не забудь тетрадки и учебники. Слушай еще раз: руководство школы – директор, завуч – в курсе. Остальные учителя – нет. Учащиеся – тоже нет. Охрана строго-настрого предупреждена – не болтать – под страхом увольнения и репрессий. Твоя легенда: ты троюродный брат Василисы, Василий Симаков, приехал из Магнитогорска. Сирота. Родители погибли в авиакатастрофе. Она в тебя влюблена, поэтому ходит только с тобой, гуляет с тобой и так далее. Все ясно?

– Ствол-то отдайте...

– Никаких стволов! У школьника не может быть ствола! Все равно металлодетектор на входе в школу учует, и будет грандиозный скандал. Тогда вся задумка прахом. Твоя сила в магии, ты же маг, на кой черт тебе ствол? Не выдумывай, чего не надо! Ах, как хорошо я придумал... и овцы целы, и волки сыты. Физиономия у тебя детская, я бы тебе дал лет семнадцать точно, а то и меньше. И даже фингал в тему – пацаны же дерутся. Ты по легенде что-то вроде приживалы, влюбленного в Василису, как и она в тебя. И держись этой версии, без вариантов.

– Привет! – Василиса чмокнула меня в щеку и запрыгнула в «Мерседес», стоящий возле подъезда. – Ну что же ты,

давай быстрее!

С тяжелым сердцем я уселся на заднее сиденье рядом со своим охраняемым объектом. С тяжелым – потому что все вышло не так, как планировалось. Вместо того чтобы нормально, важно сидеть в «Мерседесе» и дожидаться девчонки, изображая из себя великого телохранителя, я вынужден снова пойти учиться в школу.

Спросить любого из людей – хочет ли он снова пойти в школу? Хочет ли снова сесть за парту и пройти все эти круги школьного ада? Сомневаюсь, что они скажут – да! Вот и я не сказал бы, что сильно желал снова посетить школу.

Василиса в автомобиле тут же прижалась ко мне, положив голову на плечо, и я замер, боясь пошевелиться. От нее пахло каким-то кремом, легкими духами, в которых я ни черта не разбирался, а еще – пахло большими деньгами, которых у меня не было и скорее всего никогда и не будет. Для нее этот «Мерседес» последней модели был чем-то вроде автобуса, а я с интересом разглядывал салон автомобиля, конструкцию сидений, приборную панель, за которой сидел водитель в форме и фуражке, как в каком-то старинном видеофильме. Похоже, что родители Василисы испытывали излишнюю склонность к внешним эффектам.

Девушка сопела, прижимаясь ко мне, и я на минуту предположил, что это не охраняемый объект, а просто моя девушка, которую я люблю и с которой мы едем далеко-далеко, туда, где не помешают нашей любви.

Это чувство быстро прошло, когда мой взгляд снова упал на приборную панель «Мерседеса». Парень с рабочих окраин точно не может иметь такую машину – максимум старая «Мазда» или «опелек».

Василисе объяснили всю ситуацию, и она была в восторге – что может быть лучше, чем не расставаться с возлюбленным нигде, даже в школе! Вот так мы и оказались сегодня вместе на заднем сиденье автомобиля.

Мой взгляд все время скатывался на обтянутые темными колготками колени девушки, и я ругал себя – нечего заглядываться! Не твое! Даже и не думай! Это мина! Не трогай ее! А мысли все лезли и лезли в голову... вот бы сейчас погладить эти гладкие бедра... а какая у нее упругая, твердая грудь... а какие губки – так бы и впился в них долгим-предолгим поцелуем!

Василиса как будто услышала мои мысли, завозилась, усаживаясь поудобнее, и как бы невзначай положила руку на мою ширинку. Я мысленно ойкнул и осторожненько убрал руку-агрессор от своих возбужденных чресел, переложив ее на бедро хозяйки. Она тут же поймала мою руку и сунула себе на внутреннюю часть бедра, с придыханием спросив:

- Тебе нравится? Я вызываю у тебя сексуальное желание?
- Ты же знаешь, – сердито ответил я, выдирая свою руку, зажатую твердыми бедрами девицы. – Прекрати приставать! Знаешь же, что я могу из-за тебя пострадать!
- Да брось ты... – легкомысленно ответствовала Васили-

са. – Ну поругаются, и все! Знаешь, как я тебя хочу? Если бы знал – не вел бы себя, как застенчивый малолетка! У нас больше половины девушек уже не девственницы, а я все берегла себя для любимого. И вот я его нашла, и никуда ты от меня не денешься!

– Ты что, не понимаешь, что твоя влюбленность навешена заклятием? Что ты любишь меня только потому, что тебя околдовал неизвестный маг? Ведь не дура же ты, в самом деле, должна это понимать и должна понимать, что между нами нет ничего общего, кроме того факта, что я некогда освободил тебя из багажника автомобиля! Что я парень с рабочей окраины, у меня отец автослесарь, а мать учительница русского языка и литературы! А твои родители одни из самых богатых людей в городе, если не во всей стране! Так что выбрось из головы эту дурь и веди себя пристойно.

– Такое впечатление, что я разговариваю со старым дедом... пристойно... между нами ничего нет... есть между нами! Между нами то, что я тебя люблю! Я за тебя жизнь отдам и за тебя всех порву! И прекрати строить из себя целку! – Василиса потянулась и чмокнула меня в губы, одновременно пытаюсь преодолеть поясной ремень на моих брюках. Я неистово боролся с агрессией и не пропустил захватчика в святая святых, отчаянно думая о том, что моя работа будет очень-очень трудной...

Наконец, я все-таки оторвал от себя настырную девку, пришлось для этого обнять ее за пояс, прислонив к себе спи-

ной, и держать шаловливые руки, норовящие пролезть туда, куда нельзя.

Мы оба тяжело дышали – я от усилий пресечь поползновения девушки и одновременно не повредить ее нежное тело своими граблями, Василиса же от возбуждения, ну и от повторения безуспешных попыток изнасиловать меня прямо в автомобиле. На мои укоризненные слова о том, что ей надо хотя бы постесняться водителя, чертова девка заявила, что стесняться его нечего – он такая же собственность ее отца, как и этот автомобиль. И что если он не хочет потерять работу, а может, и башку, будет молчать и смотреть вдаль, как статуя Аполлона. Мало ли чем занимаются на заднем сиденье автомобиля его хозяева – это их право заниматься чем угодно, даже сексом. И вообще – вот эта кнопочка решает все проблемы, если мне так уж стыдно заниматься ЭТИМ при людях: она нажала кнопку на панельке сиденья, и между нами и водителем выросла непроницаемая черная стена. После этого атаки стали более жесткими и мне пришлось совсем туго.

Из автомобиля я вывалился потрепанным, как будто боролся на борцовской арене боев без правил. Василиса же выпорхнула свежая и аккуратная, будто бы не она только что сидела по пояс голая и пыталась соблазнить меня своей упругой грудью. Надо сказать, грудь у нее была что надо. Впрочем, как и все остальное. И если бы не драконовские ограничения... о черт! Эдак и импотентом можно стать. Длитель-

ное время пребывать в таком возбуждении и не иметь возможности его снять – верный способ к болезни системы воспроизводства человека. Ну, по крайней мере я так считал.

Вообще, очень даже странно чувствовать себя объектом сексуальной агрессии со стороны красивой девушки. Странно и непривычно. И понимаю разумом – не она меня атакует, а заклятие – и все равно как то... приятно. Героем-любовником я никогда не был, поэтому внимание со стороны девушки мне льстит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.